

Валерий Ковалев

Танго Агарта

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Валерий Ковалев
Танго Агарта. Книга первая

«ЛитРес: Самиздат»

2015

Ковалев В. Н.

Танго Агарта. Книга первая / В. Н. Ковалев — «ЛитРес: Самиздат», 2015

В годы Второй мировой войны фашистская Германия создает «оружия возмездия», которое, в силу обстоятельств, он не успеваеет применить и размещает его на секретной базе в Антарктиде. С наступлением мира, поисками объекта занимаются бывшие союзники - СССР и США, но успеха не достигают. На рубеже 90-х операцию тайно продолжают отставные адмирал с генералом КГБ, по имеющимся у них документам, направив в океан экипаж подводной лодки. После долгого плавания моряки находят объект и, уничтожив нацистов, захватывает свехоружие. Но возвращаться в новую Россию не торопятса. Содержит нецензурную брань.

Валерий Ковалев

Танго Агарта. Книга первая

«Есть многое на свете, друг Горацио,
Что и не снилось нашим мудрецам...»

Вильям Шекспир

Часть 1. Прелюдия.

Глава 1. На Крыше Мира

Над бескрайним морем Гималаев вселенская тишина.

Льющиеся сверху лучи солнца освещают заснеженные пики их вершин, синие ледники и мрачные ущелья, откуда берут свои истоки священный Ганг и великая Янцзы, и согревают своим теплом, уходящее за горизонт бесконечное каменное плато, с зеленью лесов и долин в его складках.

Все это называется Тибет, а иначе «Крыша Мира».

Разменявший пятое тысячелетие, он не принял цивилизации и живет по законам Будды.

В древней столице Лхаса время остановилось, жизнь течет спокойно и размерено, а монастыри хранят вековую мудрость.

В один из майских дней 1938 года, именуемого в этих местах годом Тигра, к Западным воротам столицы подошел небольшой караван.

Впереди, на крепких монгольских лошадях, ехали буддийский монах и пятеро экипированных по дорожному европейцев, за ними, на мулах, двое слуг – уйгуров, и замыкали процессию десяток яков, на спинах которых покачивались тяжелые выюки, кофры и ящики.

Ну, вот и знаменитая «Обитель богов»*, – утирая лицо платком, обернулся к соседу средних лет рыжебородый мужчина, в тирольской шляпе, судя по виду, старший.

– Впечатляет, – с интересом озирая величественную панораму, ответил тот. – Здешние восседали явно выше олимпийских.

Все европейцы были немцами, бородатого звали Эрнст Шеффер, а его спутников Карл Винерт, Эрнст Краузе, Бруно Бегер и Эдмунд Геер.

В представленных властям для посещения Тибета документах они значились как ученые, но на самом деле являлись членами тайной организации Третьего рейха «Аненербе».

Созданная в 1935 году в Мюнхене профессором – мистиком Германом Виртом и пропагандирующая идею «гиперборейцев»*, она вскоре заинтересовала верхушку Рейха и к моменту описываемых событий была включена в состав СС, на правах отдела.

Шеф «Аненербе», рейхсфюрер СС Генрих Гиммлер, немедленно переориентировал организацию на военные нужды и вскоре организовал три экспедиции по поиску легендарной Гипербореи, а заодно и высших знаний, которые бы пригодились в предстоящей войне.

Две из них отправились на Ближний Восток и в Исландию, а та, которая входила в город, в эту заоблачную и покрытую тайнами страну.

Оставив позади темный проем ворот и вздымая фонтанчики пыли, караван проследовал по узким, застроенным домами из сырца и камня улицам, миновал по восточному шумный разноголосый базар, после чего направился к высящемуся в центре храму Джоканг, с хранящейся там с незапамятных времен золоченой статуей Будды.

– Нужно возблагодарить Великого учителя за благополучное путешествие, – остановив неподалеку от него лошадь, по-китайски сказал монах Шефферу, и тот с готовностью ответил, – ши*.

После этого все спешили, и, оставив животных под присмотром слуг, сняв обувь, проследовали в храм.

Выстроенный в седьмом веке императором Сонгцен Гампо специально для великого божества, четырехэтажное здание впечатляло своим неповторимым стилем, покрытой узорчатой бронзовой плиткой крышей, увенчанной двумя золотыми ланями и колесом дхармы*.

Внутри его была прохлада, легкий полумрак и дурманящий запах курящихся в медных жаровнях благовоний.

Изобразив на лицах смирение и следуя за идущим впереди монахом, все прошли в главный зал, где на алтаре возвышалась статуя Будды, бесстрастно взирающего в пространство.

Немногочисленные в этот день молящиеся, уйдя в себя, мысленно с ним общались, рассказывая о своих чаяниях и желаниях.

Здесь же находились несколько служителей, нетленно возникающих из ниоткуда и так же незаметно исчезающих.

Купив у них благовонные палочки и воскурив их от уже зажженных, вся группа несколько минут безмолвно созерцала окружающее, потом каждый из европейцев опустил на поднос для подношений по несколько юаней*, и группа проследовала по ритуальному пути, именуемому кора. При этом каждый легко вертел молитвенные колеса и непроизвольно загадывал желания.

– М-да, – значительно изрек на выходе Винерт. В буддийских храмах какая-то особенная аура.

– Это от благовоний, – усмехнулся Геер. – Они в них что-то подмешивают.

– А теперь я провожу вас в гостиницу, – подойдя к Шефферу, чуть склонил голову сопровождающий.

– Хорошо, Чжасчи – тобгял, – ответил ему тот, и караван тронулся с места.

Гостиницей, если ее можно так назвать, был находящийся неподалеку средневековый караван-сарай, где и разместились путники.

Лошадей и яков, которых разгрузили слуги, определили в каменную, с низким навесом загородку, а постояльцев в просторную, но без особых удобств, гостевую комнату.

– Восточный колорит, – оглядев ее убранство, состоящее из потертых ковров на глиняном полу, тянущихся по периметру лежанок с подушками и двумя медными светильниками – констатировал Винерт и дружески хлопнул по плечу, толстого, с хитрыми щелками глаз хозяина.

– Ши-ши *, – напевно произнес тот и, сложив на груди руки, изобразил улыбку.

Затем хозяин и Чжасчи – тобгял перебросились несколькими словами и монах, попрощавшись с каждым из гостей за руку, исчез в низком дверном проеме.

Он был секретарем регента Далай-ламы, сопровождал караван от границы и отправился к своему патрону для согласования вопроса об аудиенции.

Предварительно она была достигнута ведомством Риббентропа* на одной из его встреч с представителем Его Святейшества в Пекине, а теперь предстояло определить детали.

– Ну, а теперь уважаемый, мы бы хотели ополоснуться и поесть, – обратился Шеффер на ломаном китайском к хозяину.

– Буюн се*, – последовал ответ, и хозяин сделал приглашающий жест к выходу.

Во дворе, у колодца, они наскоро умылись и утерлись извлеченными из походных сумок полотенцами, а когда вернулись, их ждала расстеленная на ковре скатерть, со стоящим на ней блюдом чего-то напоминающим хлеб и фаянсовыми, по числу гостей, исходящими душистым паром, мисками.

– Прошу господ, – первым усевшись по-турецки, – сказал Шеффер, после чего отщипнул изрядный кусок пористого мякиша, и, вооружившись ложкой, стал аппетитно опорожнять миску.

То же самое проделали его спутники, и несколько минут в комнате слышалось довольное сопение. Когда с первым блюдом было покончено, в комнату, неслышно ступая, вошла с подносом в руках миловидная девушка, и, встав на колени, поставила перед каждым по фаянсовой чашке.

– Г-м, что-то вроде тюрингских клецек, но намного крупнее – потянув носом, плотоядно облизнулся Краузе. – А как это есть?

– Очень просто, – сказал Шеффер, и, прихватив одну за короткий хвостик, быстро отправил ее в рот.

– Недурно, весьма недурно, – проделав то же самое, изрек Краузе, и их примеру последовали другие.

Затем был необычного цвета и вкуса обжигающий напиток, после которого, осоловев, все возлегли на лежанки и закурили.

– Необычная у этих туземцев кухня, – сыто рыгая, пробасил Бегер. – Эрнст, ты уже бывал в этих местах, что это было?

– Местный хлеб из ячменной муки с ячьим сыром, называется «цампа», суп – лапша с горными травами и овощами, а похожее на клецки – сваренные на пару «баози» с душистым перцем и бараниной.

– А напиток? – не отставал Бегер.

– Чай с молоком яка, маслом и солью, по ихнему «бо-ча», – сонно бормотнул Шеффер, и все погрузились в сон.

Крепкий и глубокий.

Когда они проснулись, за узким, выходящим во двор окном гостиницы, занималось утро и в прозрачном воздухе издали доносились звуки гонга.

– Всем вставать, привести себя в порядок и завтракать, – первым встал с лежанки Шеффер. – Сегодня у нас весьма ответственный день.

– Есть, господин штурмбанфюрер, – сладко зевая, отозвался Бегер, после чего накиннул на широкие плечи полотенце, и, насвистывая нацистский гимн, вышел наружу.

Когда вся пятерка завтракала горячими лепешками, запивая их чаем, в дверь комнаты тихо постучали, и на пороге возник Чжасчи – тобгял. На нем были новые шапка халат и юбка, а руке бамбуковый посох.

После взаимного приветствия Чжасчи сообщил, что регент малолетнего Далай – ламы XIV Джампел Еше весьма рад прибытию гостей, но в силу занятости может принять их только на следующий день.

– А пока я покажу вам город, – сказал, кланяясь, монах, – если вы, конечно пожелаете.

Делать было нечего, и гости пожелали.

Для начала они посетили весьма экзотический парк, именуемый Норбулинка, с обширным дворцовым комплексом и прозрачным озером, в котором плавали черные лебеди, затем монастырь Дрепунг, основанный в 1416 году, после чего отправились на столичный базар, поразивший всех шумом, разноязычием и обилием самых разнообразных товаров.

Здесь были китайские шелка, персидские ковры и пряности из Индии, обувь, и одежда из Европы, всевозможные изделия местных кузнецов, гончаров и ювелиров, а также множество других товаров, от которых рябило в глазах. Из многочисленных харчевен, чайхан и китайских ресторанчиков доносились вызывающие аппетит запахи жареного мяса, лука, плова и рыбы, на высоко натянутых в разных местах канатах, невозмутимо расхаживали с шестами в руках канатоходцы, внизу, под визгливые звуки флейт, что-то гнусаво пели и юлами вертелись пляшущие дервиши*, а чтецы Корана возносили к небу молитвы.

– Новый Вавилон, – обращаясь к спутникам, сказал Краузе.

– И практически нет европейцев, заметил Геер. – Одни азиаты.

Внезапно внимание экскурсантов привлек многоголосый рев, донесшийся с дальнего конца базара, и они пожелали узнать, в чем дело.

– Там показывают свое искусство борцы и все желающие, ответил гид. – Интересное зрелище.

– В таком случае, посмотрим, – оживился большой любитель спорта Бегер, и, расталкивая толпу, все направились в ту сторону.

Вскоре перед ними открылся высокий, на растяжках, купол цирка «шапито», у входа которого расхаживал зазывала и временами что-то орал в жестяной рупор.

– Вход два юаня, – перевел Шеффер, и, заплатив, группа вошла внутрь.

Там, в душном полумраке, сопели и толпились многочисленные зрители, а в центре на ярко освещенном, с натянутыми канатами помосте, сплелись в могучих объятиях два пыхтящих борца.

– Хе! – внезапно выдохнул один, и его противник с грохотом полетел спиной на доски.

– А-а-а!! – восторженно завопили зрители, и вверху закачались лампы.

Затем, когда они спустились вниз, из-за отгораживающей небольшую часть цирка ширмы появилась вторая пара, и в зале возникла тишина.

В отличие от первых, рослых и атлетического сложения, эти оказались невысоки и худощавы, а их движения напоминали кошачьи.

– Не впечатляют, – ухмыльнулся Геер, – очень уж хилые.

Далее прогудел гонг, и все завертелось в бешеном круговороте. То была не борьба, а скорее бой. Двигаясь стремительно и неуловимо, словно тени, противники наносили друг другу стремительные удары, высоко взлетали в воздух и делали головокружительные кульбиты. Затем все кончилось. Один неподвижно лежал на помосте, а второй, последний раз взлетев над ним, красиво приземлился и стал кланяться бурно выражающей эмоции публике.

– Что это было? Мы никогда такого не видели, – наклонился к Чжасчи пораженный Шеффер.

– Странствующие монахи, – был ответ. – Из Шаолия.

Между тем, поверженный встал, и, прихрамывая, удалился, а победитель воздел вверх руки и что-то задорно прокричал зрителям.

– Приглашает желающих вступить с ним в единоборство, – перевел Шеффер.

Однако среди сотен присутствующих таковых не нашлось, а когда пауза затянулась, из-за ширмы снова вышел победивший борец.

Взобравшись на помост, он стукнул себя кулаком в грудь, а затем, играя мускулами, наклонился, широко расставил руки и по – медвежьи двинулся на противника.

– Гора и мышь, – констатировал Краузе. – Сейчас этот детина его раздавит.

Но случилось обратное. Примерно с минуту оба кружили друг вокруг друга, затем борец подобно тарану ринулся вперед, а монах спиралевидно взвился в воздух и с криком «ха!» саданул того на развороте в лоб пяткой.

Беспорядочно маша руками, здоровяк полетел в другую сторону, и, перевалив через канаты, с грохотом обрушился вниз.

А боец, как не бывало, снова проделал несколько головокружительных «па» и гордо застыл с поднятыми руками.

Публика неистовствовала.

– Не могу я на это смотреть, Эрнст! – с разгоревшимися глазами проорал на ухо Шефферу Бегер, после чего стащил с плеч куртку, и, сунув ее Гееру, стал проталкиваться сквозь толпу.

Эмоции Бегера были понятны. Он был прирожденным бойцом, чемпионом Германии по боксу и жаждал померяться силами с этим непонятным акробатом.

Через минуту «ученый» был на помосте, и, засучив рукава сорочки, принял боксерскую стойку.

– Ком! – махнул он азиату здоровенным кулаком, и противники прыгнули навстречу друг другу.

Примерно с минуту Бегеру удавалось отражать град посыпавшихся на него молниеносных ударов и даже отвечать на них, а потом в глазах ослепительно вспыхнуло, и он куда-то провалился.

Когда забравшиеся на помост коллеги бережно спустили «чемпиона» вниз, он только мотал башкой и мычал что-то нечленораздельное.

– Чжасчи, – вы знаете этого парня? – поинтересовался Шеффер, когда получив очередную порцию оваций, победитель скрылся за ширмой.

– Знаю, – ответил тот. – Его зовут Цзи Цинь. – Это один из последних мастеров «ушу», в прошлом знаменитого в Поднебесной буддийского монастыря Шаолинь.

– «Ушу», – это то, что мы видели? – просипел наконец-то пришедший в себя Бегер.

– Да, это великое боевое искусство. Оно зародилось в древности, в провинции Хэнань.

Тогда тринадцать буддийских монахов помогли императору Ли Шаминь удержаться на престоле, за что Шаолинь получил высочайшее соизволение содержать монашеское войско и вскоре прославился, как центр боевых искусств.

Однако спустя десять лет, военачальник Ши Юсань поджег и разрушил Шаолинь, изгнав оттуда монахов. Часть из них ушла в другие, а Цзи Цинь с сыном и еще несколько, стали ездить по стране, участвуя в таких вот представлениях и собирать средства на его восстановление.

– Весьма интересно, – переглянулись Шеффер с Бегером. – Вы можете познакомить нас с этим мастером?

– Нет ничего проще, – чуть поклонился Чжасчи. Они живут там же где и вы, в караван-сараях.

Вечером, при его посредничестве, в комнате «ученых» состоялась встреча с необычным мастером.

При ближайшем рассмотрении он оказался несколько старше, чем выглядел в цирке, бедно одетым, но полным достоинства и внутренней силы.

Шеффер от лица своих товарищей выразил восхищение мастерством Цзи Циня, Шеффер почтительно пожал ему руку, и оба изъявили желание помочь странствующим монахам.

– Каким образом? – невозмутимо поинтересовался тот.

– Мы готовы вам пожертвовать пять тысяч юаней.

– А что взамен?

– Вы научите нас, – положил Шеффер руку на плечо Бегера, – вашему искусству.

Несколько минут монах думал, – потом кивнул бритой головой, – согласен.

После этого было оговорено, где и как будет обучаться Бегер, Цзи Циню вручили задаток и оба тибетца удалились.

На следующий день, ближе к обеду, члены экспедиции были приняты регентом Далай-ламы XIV в его резиденции – дворце Потала.

Высоко вознесшийся над долиной, построенный в седьмом веке дворцовый комплекс, по праву считался одним из чудес света, являлся местом обитания всех Далай-Лам и символом Тибета. В его бесчисленных залах и хранилищах, в свитках и манускриптах хранилось вечное учение Будды, а также множество сокровищ, ценных предметов и реликвий.

Регент Джампел Еше оказался преклонного возраста благообразным старцем, никогда не покидавшим своей заоблачной страны и дал гостям милостивое согласие на ее изучение.

Те, в свою очередь, вручили ему портрет великого фюрера, переведенный на китайский «Майн кампф», в золоченом переплете и слоновой кости, украшенные инкрустацией, шахматы для юного Далай – Ламы.

– Здесь «Печать сердца»* – с почтением глядя на оттиснутую на обложке свастику, – сказал регент.

– Мы обязательно прочтем этот труд, идите, и да сопутствует вам удача.

Глава 2. Загадка горы Кайлас

Второй месяц сотрудники «Аненербе» активно занимались поиском сакральных знаний, столь необходимых Германии.

Получив доступ в дворцовую библиотеку, знаток восточных письменностей Геер, сутками корпел над древнекитайскими глиняными табличками, свитками и манускриптами, фотограф и кинооператор Краузе снимал их и ритуалы лам в монастырях на пленку, а Бегер с остальными, в поте лица осваивал методику «ушу».

Спустя неделю, обобщив и проанализировав все заслуживающее внимания, под неусыпным оком Чжасчи – тобгяла, они отправились в экспедицию.

Ее многокилометровый путь, пролегал по западному нагорью Тибета, имел целью священную гору Кайлас, а также расположенные у подножья, озера Манасаровар и Ракшас-тал.

Для последователей древней тибетской религии Бон, гора Кайлас являлась сердцем древней страны Шангшунг, где зародилась эта религия. Кайлас, который в Боне назывался Юнгдрунг Гу Тзе (Девятиэтажная Гора Свастики), – был его душой, центром жизненной силы и главного принципа "Девяти Путей Бона".

Как следовало их древних писаний, здесь основатель религии небожитель Тонпа Шенраб спустился с небес на землю. Традиция Бона, изложенная в них, гласила:

"У подножия горы Юнгдрунг берут свое начало четыре реки, текущие по четырем направлениям. Гора окружена храмами, городами и парками. К югу находится дворец Барпо Согье, где родился Тонпа Шенраб, к западу и северу расположены дворцы, в которых жили его жены и дети. На востоке стоит храм под названием Шампо Лхатзе.

Все дворцы, храмы, реки, сады и парки с пиком Юнгдрунг в центре составляют внутреннюю часть страны Олмо Лунгринг. Она окружена двенадцатью городами, четыре из которых стоят точно на четырех сторонах света. За этими городами начинается внешний мир, окруженный, в свою очередь, океаном, а за ним – цепью неприступных снежных пиков. Единственным доступом в волшебный Олмо Лунгринг является "путь стрелы".

Перед своим посещением Тибета, Тонпа Шенраб пустил стрелу сквозь внешние горы и проделал проход. Однажды он, тогда уже авторитетный учитель доктрины Бона, преследовал демона, который украл его лошадей. В погоне учитель прибыл в Тибет. В свой единственный визит сюда, Тонпа Шенраб передал людям лишь некоторые ритуалы Бона, увидев, что страна еще не готова к получению более полного учения.

Впоследствии шесть учеников Мучо Демдруга, преемника Шенраба, спустились в Тибет и принесли первые тексты Бона людям".

Не менее интересно говорилось в писаниях и о лежащих у подножия горы Кайлас озерах. Оба они также считались священными.

Манасаровар считалось порождением ума Бога, и было создано, чтобы показать его величие и могущество. На тибетском название озера звучало как «Мапан Цхо», что означало «Непобедимое». Один из древних свитков гласил: «Когда земля Манасаровара касается тела, когда кто-либо купается в нем, он отойдет в рай Брахмы. Кто пьет его воды, отойдет в рай Шивы и будет освобожден от грехов ста своих жизней. Даже зверь, который носит имя Манасаровара, уйдет в рай брахмы. Его воды – жемчуг».

И если для тибетцев Кайлас был жилищем Бога, то Манасаровар являлось местом обитания его подруги и утешения, богини Дордже Пхагмо. Вместе они символизировали мудрость и сострадание, являясь идеальной священной парой: мужское и женское начала, отец-небо и мать-земля.

Соседствующее с Манасароваром озеро Ракшас – Тал называлось по имени отряда поедающих плоть демонов ракшасов, которые, как утверждалось в писаниях, обитали в его водах. Вода в озере была ядовитой до тех пор, пока золотая рыба не проделала проход из Манасаровара, чтобы впустить немного святой воды в темное озеро. Созданный канал получил название Ганга Чу и постоянно меняющийся уровень воды в нем предсказывал судьбу Тибета.

В течение недели, следующая на лошадях группа, двигалась по безлюдной каменной пустыне, изредка встречая скудную растительность, а поздно вечером останавливалась на ночевки.

Лошадей развьючивали и задавали корм, затем разводили небольшой костер, ужинали разогретыми на нем консервами и, забравшись в спальные мешки, долго не могли уснуть.

Откуда-то наносило тоскливый волчий вой, в небе холодно сияла, поражая своими размерами луна.

Во всей своей величественной красоте Кайлас открылся утром восьмого дня, а когда путешественники подъехали ближе, то застыли в мистическом трансе.

Гора напоминала по форме равностороннюю пирамиду, ее пересекали отлично видные снизу две, образующие свастику трещины, и пронзительная тишина, подобно натянутой неведомой рукой струне, звенела в воздухе.

– Это именно то, что нам нужно, – заморожено глядя вверх, хрипло произнес Шеффер.

– И не иначе, знак свыше, – с трепетом переглянулись остальные.

Затем, придя в себя, штурмбанфюрер поинтересовался у проводника, можно ли добраться к вершине, и тот отрицательно покачал головой, – туда могут взойти только Боги.

Далее, произведя кино и фотосъемку, группа решила заночевать в древнем, спрятанном в предгорье небольшом монастыре, и ей снова способствовала удача.

По просьбе Чжасчи, настоятель обители, которому со слов сопровождающего минуло двести лет, поведал гостям о небесных богах, когда-то посетивших эти места, чудесных каменных зеркалах, а также озерах с живой и мертвой водой, которые те создали.

– Искупавшийся в первом, попадет в рай Брахмы, – заявил он, – а поочередно в двух, умрет и родится заново.

А еще настоятель рассказал о древних монахах, живших в уединении в пещерах предгорья.

– Кто они и откуда приходили нам неизвестно, – прошамкал он. – Но все были бессмертными и посвященными в великую Тайну. Их встречали молящимися у подножия Кайласа и священных озер. Потом они исчезали и появлялись новые, но с каждым веком меньше.

– И вы их видели? – с недоверием спросил Шеффер.

– Да, – невозмутимо ответил старец. – Один и сейчас живет в часе ходьбы отсюда.

– А не могли бы вы дать нам провожатого, чтобы навестить его?

Настоятель с минуту пристально смотрел на гостя, потом хлопнул в сухие ладони и рядом с ним возник мальчик, судя по виду ученик.

Далее последовал короткий диалог, состоящий из неведомых Шефферу слов, фраз и жестов, после чего мальчик, сложив на груди руки, низко поклонился старцу и сделал знак гостям следовать за собой.

Оставив кладь и животных, те вместе с сопровождающим их Чжасчи, вышли из монастыря и двинулись по едва заметной горной тропе вслед за проводником.

Спустя два часа (путь оказался труднее, чем они предполагали) группа оказалась на западной стороне предгорья, среди высоких диких скал, в некоторых из которых зияли темные отверстия.

– Там жили посвященные, – указал на них мальчик Шефферу и несколько раз благоговейно поклонился в ту сторону.

Пещера, к которой он их привел и остался у выхода, была с узкой, поросшей мхом скальной площадкой, явно природного происхождения и ее пространство озарялась лучами закатного солнца.

В центре ее, на вытертой шкуре, скрестив ноги и положив на голые колени высохшие руки, сидел напоминающий мумию человек и, поверх голов вошедших, бесстрастно взирал на уходящее на покой светило.

– Как на их древних свитках, – наклонившись к Шефферу, прошептал Геер.

– Здравствуйте учитель, – по-китайски сказал штурмбанфюрер, чуть склонив голову.

В ответ отрешенность и молчание.

– Наверное, он нас не воспринимает, – тихо сказал Бегер. – Впал в нирвану.

– Может быть, – так же тихо ответил Шеффер и медленно поводит перед глазами мумии ладонью. Они ничего не отразили, хотя и были живыми.

– А в пещере нет ничего для жизни, – судорожно дернул кадыком Краузе. – Поглядите.

Обиталище монаха действительно было пустым, и в нем не было ничего кроме импровизированной подстилки.

Постояв еще несколько минут, вся группа неслышно вышла и с облегчением вздохнула. В пещере явно чувствовалось что-то непонятное и потустороннее, которое давило на психику.

– Пойдем назад? – спросил неподвижно стоявший у входа мальчик.

– Да, – не сразу ответил Шеффер, с трудом освобождаясь от навалившейся на него тяжести. Она была везде – в голове, теле, конечностях.

Оступаясь на мелких камнях и спотыкаясь, «ученые» поспешили от пещеры вслед за удаляющимся проводником, а оттуда, громко и явственно дохнуло, – а-г-а-р-т-а...

– Вы слышали? – оглянувшись назад, с мистическим ужасом прошептал шедший последним Винерт. Ответом ему были полные страха глаза спутников.

На следующее утро, с восходом солнца, оставив в монастыре Чжасчи (тот желал помолиться в уединении) и, захватив с собой мальчика – бандна*, вся группа, ведомая им, отправилась к первому озеру.

Оно, как уже знали путешественники, именовалось Манасаровар, отличалось небесной голубишной водой и с юга окаймлялось заснеженными пиками Гималаев.

– Неземная красота, – оглядев величественную панораму, сказал Винтер, когда в полдень они остановились на берегу, и в руках Краузе застрекотала кинокамера.

После этого все сняли рюкзаки, присели на прогретые солнцем валуны и, закурив, долго любовались водной гладью.

– А теперь нужно получить индульгенцию в рай, – затушив сигарету, первым встал Шеффер и, сняв альпийскую куртку, стал раздеваться.

Его примеру последовали остальные, и спустя несколько минут, в полном молчании, все вошли в воду.

Она оказалась ледяной, но каждый счел своим долгом окунуться.

– Не иначе ледниковая, – выйдя на берег и стуча зубами, обменялись мнениями «посвященные».

– Ши – ши, – с готовностью закивал, наблюдавший за всем этим юный лама.

Затем, чувствуя небывалое умиротворение, они обсушились у разведенного на берегу костра, не спеша оделись и позавтракали.

– Ну что же, пойдем дальше, – оглядел спутников Шеффер. – Ко второму озеру.

– Там мы умрем и воскреснем, – ухмыльнулся Бегер. – Если, конечно, повезет.

Озера соединялись протокой, и, следуя вдоль нее по мелкой гальке, группа вскоре оказалась у второго, считающегося у тибетцев демоническим и носящим имя Ракшас -Тал.

В отличие от Маносаровара, Ракшас было серповидной формы, с небольшим, островком в центре и несколькими пузырящимися гейзерами на берегу, покрытыми издающий запах серы, голубой дымкой.

– Где-то под ним сейсмическая активность, – констатировал Геер и принялся.

– И это озеро намного прозрачнее, – отметил кто-то, и остальные согласились.

Затем состоялся второй этап, и вскоре вся группа, за исключением мальчика, с удовольствием плавала у берега.

Вода была не только кристально чистой, но и теплой, что вызывало приятное расслабление и негу.

– Послушай, Эрнст, – блаженно щурясь, сказал Шеффер. – А ну- ка, запечатли нас для истории.

– Будет сделано шеф, – рассмеялся Краузе и погреб обратно.

Для начала он снял коллег крупным планом, а потом, желая захватить и панораму, отошел на десяток метров в сторону, вскарабкался на базальтовую, нависающую над водой скалу и снова застрекотал аппаратом.

Съемка длилась несколько секунд, а потом, забывшись, оператор сделал пару шагов вперед и с воплем полетел в воду.

– Черт побери, мой «Арифлекс!» – показавшись через минуту на поверхности, и едва не плача, заголосил он. – Там десятки метров отснятой пленки!

Вся группа тут же направилась к берегу, вышла из воды, и, забравшись на скалу, стала вглядываться в место падения.

– Карл, – обратился Шеффер к Винерту, – попытайся ее достать.

Служивший в прошлую войну на подлодке Винерт был отличным ныряльщиком и тут же принялся за дело.

Для начала, определяя глубину, он швырнул вниз небольшой, валявшийся под ногами скальный обломок, а затем попросил принести ему фальшфейер*.

Этот уникальный осветительный прибор, не так давно был изобретен в одной из секретных лабораторий «Аненербе» и весьма успешно применялся в экспедициях.

Через пару минут, приняв из рук Геера тонкий пластмассовый цилиндр, Винерт свинтил с него крышку, дернул за короткий шнур, и, в свете ослепительного фейерверка, ласточкой прыгнул со скалы.

– Как думаешь, Эрнст, он ее достанет? – наблюдая за исчезающим в глубине световым пятном, поинтересовался Бегер.

– Будем надеяться – пожал тот плечами и стал отсчитывать секунды.

Глава 3. Кто ищет, да обрящет

Держа впереди себя фальшфейер, и чувствуя знакомое потрескивание в ушах, Винерт быстро погружался во мрак.

Наконец, в мертвенном пятне света он заметил что-то похожее на дно, и, изменив положение, коснулся его пятками.

– Не менее двадцати метров, – выдало сознание, и ныряльщик внимательно осмотрелся.

В пределах видимости колыхались длинные плети водорослей, меж них изредка проплывали обитатели дна, кверху неслись пузырьки воздуха.

Кинокамеру Винерт обнаружил почти сразу (она лежала на песчаном дне в нескольких метрах справа), после чего, прошагав туда, поднял злосчастный «Арифлекс» и нацепил на шею.

А когда собирался всплывать, заметил на границе света еще что-то. Оно тускло блеснуло, и Винерт вытянул перед собой руку.

Прямо на него, из лежащего на дне сферического обломка, плялился зрачок иллюминатора.

– Что за черт? – пронеслось в мозгу, и человек сделал еще несколько шагов вперед.

Обломок был не один, рядом мутно виднелись еще несколько, а на песке, у самых его ног, в свете фаяера искрился крупный, необычного вида кристалл.

В висках у Винерта запульсировала кровь, нагнувшись, он схватил его с третьей попытки, и, испытывая муки удушья, из последних сил рванулся к поверхности.

Когда, отплевываясь и хрипя, ныряльщик появился из воды, все почувствовали неладное и бросились ему на помощь.

– Что случилось, Карл? – спросил у бледного Винерта Бегер, едва общими усилиями того вытащили на берег. – У тебя такой вид, будто ты увидел дьявола.

– Наоборот, – прошептал бывший подводник, и разжал побелевшие пальцы.

В лучах заходящего солнца, на его ладони ослепительно сверкнуло.

– Что-то похожее на гетеродин* – осторожно приняв находку, – выдавил Шеффер.

Все остолбенели, а потом придвинулись ближе, рассматривая то, что он держал.

Кристалл был размером с куриное яйцо и с геометрически правильными гранями.

– Там еще обломки корабля, – отдышавшись, продолжил Винерт, – я видел часть обшивки с иллюминатором. И, скорее всего, летательного.

После этих слов наступила звенящая тишина и все уставились на озеро.

– Вот вам и разгадка горы богов! – нарушил ее, лихорадочно блестя глазами гауптштурмфюрер. И первым выбросил руку в ее сторону.

– Зиг... хайль, зиг... хайль, зиг... хайль!! – дружно рывкнули пять глоток, и к небу троекратно унеслось эхо.

Когда первый восторг улегся, к Шефферу подошел наблюдавший за всем со стороны мальчик, и, показывая на воду, что-то сказал по-китайски

– Тот ему ответил, и монах почтительно поклонился.

– Что он сказал? – поинтересовался Бегер. – Переведи, Эрнст, нам интересно.

– Вернуть артефакт* обратно в озеро, поскольку он принадлежит богам.

– И ты согласился?

– Да, – осклабился тот. – Но чуть позже.

Поскольку с гор опускались сумерки, а путь назад был не близким, решили заночевать у каменных зеркал. Одно из них высилось метрах в трехстах от берега, и группа ходко направилась к древнему исполину.

Он был из черного гранита и с гладко отполированной со стороны востока, чуть вогнутой боковой поверхностью.

– Теплая, – коснулся ее рукой Геер, и все занялись организацией стоянки.

Вскоре у подножья весело потрескивал костер, на походной решетке, дразня обоняние, шипели мясные консервы и побулькивал котелок с кофе, а на расстеленном брезенте стояла обтянутая войлоком фляга с коньяком, пластмассовые кружки и золотились россыпью пшеничные галеты.

Первый тост подняли за Великую Германию, второй за Фюрера и дружно навалились на еду.

Юный лама пить отказался и довольствовался парой хлебцов, запивая их водой из тыквенной бутылки.

– Аскет, – сказал кто-то, и немцы переглянулись

После хлебали кофе, и, дымя сигаретами, – строили предположения. Все сводилось к тому, что найдено то, что искали, и это принесет пользу Великому Рейху.

– Завтра возвращаемся в Лхасу, – выдул из ноздрей тонкую струйку дыма Шеффер. – Там постараемся найти акваланг, вернемся обратно и ты, Карл, внимательно все обследуешь. Возможно, удастся поднять еще что-нибудь, для отчета. И все следует сохранить в тайне. Иначе нас отсюда вышвырнут.

– А как быть с парнем? – оглянулся Геер на сидящего в отдалении в позе Будды мальчика, который, судя по всему, погрузился в молитву.

– Он ничего не расскажет, – покосился штурмбанфюрер на Бегера, и тот понимающе кивнул.

Перед самым утром, когда край неба окрасился в пурпур, к завернувшемуся в халат, спящему под скалой монаху, тихо подошли двое. У первого в руках был медицинский шприц.

Затем послышалась возня, легкий вскрик, и они вернулись.

– Как это случилось? – бесцветным голосом спросил настоятель Шеффера, когда вернувшись в монастырь, немцы положили перед ним застывшее тело мальчика.

– Его укусила змея, в ногу, – скорбно ответил тот и возвел глаза к небу.

Настоятель кряхтя нагнулся и осмотрел распухшую стопу ученика. На ней багровели две крошечные точки...

Надежды на приобретении акваланга в столице, не оправдались. На ее многолюдном базаре и в торговых лавках, таких не оказалось.

– Дремучее средневековье, – возмущался Бегер. – Никакого технического прогресса.

И тогда Винерт проявил свои изобретательские способности.

Он купил у старьевщика, торгующей военной амуницией Первой мировой войны, два французских противогаза, а в китайских магазинчиках, тонкую, полую внутри бамбуковую трость и немного натурального каучука*.

– Сделаю дыхательную трубку, – сказал он. – Как у ловцов жемчуга. И принялся за работу.

Все это время Шеффер с Бегером тщательно изучали карту Юго-Восточной Азии, и делали какие-то вычисления, а остальные не находили себе места.

На вторые сутки дыхательное устройство было готово, его опробовали в текущей неподалеку реке, и Винерт остался весьма довольным.

Изделие позволяло оставаться под водой до семи минут, было герметичным и не давало сбоев.

Затем они сообщили навестившему их Чжасчи – Тобгялу, что собираются изучить находящиеся за озерами отроги Гималев, и, вежливо отказавшись от его услуг, на следующее утро отправились в путь.

Теперь группа следовала на лошадях, прихватив с собой для конспирации альпинистское снаряжение, и времени на дорогу ушло вдвое меньше.

Озера встретили их небывалой силы грозой и блеском молний, которые раскалывали клубящееся тучами небо.

– Недовольны высшие силы, нашим появлением, – сидя в наскоро поставленной палатке и слушая громовые раскаты, – сказал Краузе.

Все молчали, и каждый думал о своем.

Утро зародилось хмурым, с морозящим дождем и лежащим на воде туманом.

Наскоро попив сваренного на спиртовке кофе, отправились к знакомому месту у скалы.

Там, под напряженными взглядами коллег, Винерт разделся, тщательно приладил на голове дыхательную трубку, и, натянув на лицо резиновую маску с очками, взял в рот загубник.

– Да поможет нам Бог, – хрипло произнес Шеффер, и сунул ему в руку фальшфейер.

Винерт не спеша вошел в воду, затем проплыл нужное расстояние и, выбросив вверх сноп искр, исчез с поверхности.

Потекли минуты тягостного ожидания.

Все нервно курили, поглядывали на часы и ежились от пронизывающей сырости.

На пятой минуте, неподалеку всплеснуло, и на поверхности возникла обрезиненная голова, с торчащей над ней трубкой.

– Хр-р, – выбросила она в воздух брызги, и Винерт призывно помахал рукой.

Все с шумом забежали в воду, и, приняв от него что-то, бережно вынесли на берег.

При ближайшем рассмотрении это оказалось матовым экраном, с частью выполненного из серебристого материала, покоруженной панелью и плоскими, встроенными в нее кнопками.

– Похоже, телевизионный приемник, – высказал предположение Бегер.

– Только без ламп, – коснулся задней стенки Шеффер. – Вместо них какие-то миниатюрные пластинки и цилиндры.

Затем остатки неведомого прибора определили в палатку и с нетерпением воззрились на Винерта, – рассказывая.

Глубоко затягиваясь сигаретой и преодолевая бьющую его дрожь, тот сообщил, что осмотрел участок дна в радиусе двадцати метров и уверен, что это остатки летательного аппарата.

– Почему ты так думаешь?

– Там явно искусственного происхождения обширная впадина, и часть обломков глубоко вошла в грунт, а он довольно плотный. Исходя из этого, напрашивается вывод, что аппарат рухнул сверху и с громадной скоростью.

– Резонно, – согласились остальные, и состоялось второе погружение.

На этот раз ныряльщик пробыл под водой значительно дольше, и очередная находка, оказалась еще более интересной.

Это был сферической формы почти невесомый шлем, с чем-то вроде прозрачного забрала и неизвестно назначения, вмонтированным в лобную часть оптическим прибором.

– Судя по нему, на дне могут быть и останки, команды, – передавая шлем Краузе, и глядя на Винерта, – сказал Шеффер.

– Вряд ли, – ответил тот. – Некоторые фрагменты покрыты окаменелостями, а, следовательно, лежат там довольно долго.

Между тем, Краузе напялил шлем себе на голову и издал возглас удивления

– Да тут прицел с градуированной сеткой! А разрешение у него раз в десять выше нашей оптики! Но что-то мутновато, сейчас попробую настроить!

После этого он поднял ко лбу руку и стал ощупывать прибор.

В то же мгновение в его линзе что-то блеснуло, воздух пронзил подобный золотой нити луч, и со стоящей метрах в пятистах скалы, вниз с грохотом обрушилась вершина.

На несколько минут все застыли в оцепенении.

– Сними его, – только осторожно, – громко сглотнул слюну Шеффер.

Краузе бережно освободился от шлема, положил у ног и все с испугом на него воззрились.

– Такого нет даже у фантастов, – пробормотал кто-то, после чего все присели на корточки и стали рассматривать опасную находку.

Вслед за этим, с великими предосторожностями, ее тоже поместили в палатку и, оживленно переговариваясь, быстро направились к скале.

– М-да, – покачал головой Геер, – он разрезал ее как кусок масла.

Свалившаяся вниз огромная базальтовая* глыба чернела оплавленными краями, и была еще горячей.

– Это именно то, что мы искали, парни – хлопнул по ней рукой Шеффер. – Не будем терять времени, за работу.

Однако удача вскоре перестала им сопутствовать. Во время очередного спуска лопнул гофрированный патрубок маски, и Винерт едва не захлебнулся.

– Все, Карл, иди в палатку и отдохни, – сунул посиневшему ныряльщику флягу с коньяком Шеффер. – А мы пока подумаем.

На коротком совещании решили довольствоваться тем, что удалось поднять (со слов Винерта остальные фрагменты были довольно крупные) и возвращаться в Лхасу, а оттуда в Рейх. На доклад к Гиммлеру.

А перед этим исследовать окрестности. Для реализации задуманного плана.

Он состоял в том, чтобы вернуться сюда снова, но уже на транспортном самолете и с необходимым снаряжением, поднять из озера все, что там осталось и вывезти в Германию. Для исследований. В том, что согласие на это руководство даст, никто не сомневался.

Но нужна была посадочная площадка, и немалая.

Ее они нашли к вечеру следующего дня, на обширном плато, примыкающим к озерам с северо-запада.

– Здесь приземлится даже трехмоторный «Юнкерс», – констатировал Шеффер, рассматривая плато в окуляры «Цейса». – Только следует убрать камни.

На эту, выполненную с использованием лошадей работу, ушло еще двое суток, после чего экспедиция направилась обратно.

В Лхасе «ученые» снова были милостиво приняты регентом, который поинтересовался, удовлетворены ли они результатами.

– О да, ваше первосвященство, – смиренно произнес Шеффер. – Мы прикоснулись к великой мудрости и возвращаемся в свою страну.

– А я прочел труд вашего вождя, – блеснул щелками глаз Джампел Еше. – Мир ждут великие потрясения.

– Почему вы так думаете? – насторожился штурмбанфюрер.

– В книге очень много энергии и внутренней силы. За таким человеком пойдут миллионы. Я, кстати, полностью разделяю теорию рас. Миром должна править избранная.

– Арийцы?

– У нас они называется несколько по другому – арии.*

– Мы рады найти единомышленника в Вашем лице, – почтительно склонил голову Шеффер, – и обязательно сообщим об этом фюреру.

– А еще передайте ему от меня подарок, – потянулся регент к инкрустированному, красного дерева столику и позвонил в стоящий на нем колокольчик.

Из – за драпировки в боковой части зала возник монах, мелко засеменил к сидящему напротив регента гостю, и, с почтением поклонившись, вручил ему золотую статуэтку Будды.

– Когда – то эта реликвия принадлежала великому императору Цинь Ши и приносила ему победы, – сказал регент. – Теперь пришло время вашего.

Будда загадочно светился улыбкой вечности.

Затем, когда аудиенция завершилась, и все покинули дворец, состоялась встреча с мастером боевых искусств Цзи Цинем и еще двумя монахами из Шаолиня, которым было предложено поработать в Германии за весьма круглую сумму, и те дали согласие.

Последний, перед отъездом вечер, решили отдохнуть и предаться удовольствиям.

Бегер, Краузе и Геер отправились в бордель, развлечься с азиатскими красотками, а Шеффер с Винертом, – в китайскую курильню, их в городе было немало.

– Опиум на Востоке очень хорош, – разлагольствовал по пути бывший моряк. – Я его впервые попробовал в Гонконге, куда свалил сразу же после окончания войны. Очень помогает от депрессии.

А вот и то, что нам нужно – показал пальцем на неприметную дверь, в длинном ряду неказистых строений.

Когда, пригнувшись, они вошли внутрь, где-то мелодично звякнул колокольчик, и в душном полумраке возник толстый человек с масляной улыбкой.

- Чего сахибы* желают? – пропищал он и чуть поклонился.
- Мира грез и иллюзий, – ухмыльнулся Винерт. – И что б нас не беспокоили.
- Прошу следовать за мной, – последовал ответ, и все прошли за плотную ширму.

За ней открылся небольшой зал, с висящими у потолка чадящими лампами, а под ними, в расположенных вдоль прохода перегородках, расположившись в живописных позах на тростниковых циновках, булькали кальянами разношерстные посетители.

– Нам нужен отдельный кабинет, – брезгливо поморщился Шеффер, и вся тройка последовала дальше.

Комната, куда привел европейцев толстяк, была более привлекательной, с лежащим на полу ковром, несколькими подушками и курительным прибором в центре.

- Одну минуту, – снова пропищал он и исчез в дверном проеме.

Скрестив ноги, Шеффер с Винертом уселись на ковер, а в комнату скользнула смуглая, в расшитом шелком халате, девушка. Пропеппав приветствие, она привычно заправила кальян темным шариком, зажгла, и протянула гостям янтарные мундштуки на гибких трубках.

- Как тебя зовут, милашка? – приняв свой, поинтересовался Шеффер.

– Янлин* – последовал певучий ответ, и девушка упорхнула.

– Ну, как твои ощущения Эрнст, нравится? – затянувшись пару раз, не спеша, выпустил вверх дым Винерт.

- Еще не понял, – ответил штурмбанфюрер. – Опиум вроде бы добывают из мака?

– О да, – последовал кивок, – и есть несколько легенд и мифов, связанных с этим чудесным цветком.

- Давай легенды, это интересно.

– Еще бы, – мечтательно смежил глаза бывший моряк и продолжил.

– Согласно одной, когда Господь создал землю, животных и растения, все были счастливы, кроме Ночи.

И как ни старалась она при помощи звезд и светящихся жучков рассеять свой глубокий мрак, слишком много красот природы Ночь скрывала, чем, естественно, всех от себя отталкивала.

Тогда Господь создал Сон, сновидения и грезы, и вместе с Ночью они стали желанными гостями.

Со временем в людях пробудились страсти, и один из них даже задумал убить своего брата. Сон хотел остановить его, но грехи этого человека мешали к нему приблизиться.

Тогда в гневе, Сон воткнул свой волшебный жезл в землю, а Ночь вдохнула в него жизнь. Жезл пустил корни, зазеленел и, сохраняя свою вызывающую сон силу, превратился в мак.

- Занимательно, – сделал очередную затяжку Шеффер, – валяй дальше, Карл, я слушаю.

– И люди стали добывать из него опиум, курить и наслаждаться, предаваясь прекрасным снам. Ну, а как теперь, ты что-нибудь чувствуешь?

- Да, – сонно ответил Шеффер, – мне кажется, что я парю в воздухе.

– Счастливого полета, – эхом отозвался Винерт, – глядя в сиреневую, клубящуюся в кальяне воду.

В это же самое время, на втором этаже одного из китайских ресторанов, расположенном в самом центре, Бегер, Краузе и Геер, после изрядных возлияний, предавались любовным утехам.

А когда, довольные и усталые, стали расплачиваться, возник скандал.

Хозяйка – старая размалеванная мегера, жестом потребовала двойную плату.

- Это за что? – спросил заплетающимся языком Краузе.

– Та в ответ что-то завизжала и снова выставила два пальца.

– Пошла вон, дура! – рявкнул Геер, и, отодвинув ее в сторону, вся троица направилась к выходу.

Но не тут-то было. На вопли хозяйки прибежали четверо здоровенных вышибал, и завязалась потасовка.

Первого Бегер тут же свалил ударом ноги (он неплохо усвоил уроки Цзи Циня), а на остальных уставились стволы «люгеров»*, которые его коллеги выхватили из карманов.

На этом инцидент был исчерпан, клиенты беспрепятственно покинули гостеприимное заведение, и, громко распевая «Лили Марлен»*, двинулись восвояси.

Утром, со следами порока на лицах, они мрачно следили за слугами, выючащими отдохнувших яков, а спустя полчаса, увозящий драгоценные находки караван, направился к городским воротам.

Впереди, как и раньше, покачивались в седлах немцы, за ними с философским видом, шагали яки, а сзади, на мулах, рысили слуги и три шаолиньских монаха, во главе с Цзи Цинем.

Обратный путь был далеким и небезопасным.

Уже около года на территории Китая полным ходом шла очередная война с Японией, которую активно поддерживала Великобритания, желтолицые дети Страны восходящего солнца уничтожали всех без разбора, огнем и мечем, устанавливая новый правопорядок.

На случай встречи с ними, у Шеффера имелось что-то вроде индульгенции, а именно бумага из канцелярии Императора Хирохито, с предписанием командованию Кватунской армией* в Китае, оказывать всяческое содействие германской научной экспедиции. Она тоже была получена ведомством Риббентропа, который весьма благоволил к «Аненербе».

Оставив позади Тибет, спустя две недели экспедиция вышла к небольшому китайскому городку Гьитанг, расположенному вблизи границы с Бутаном*, накануне оккупированному японцами.

– Кто вы и куда следуете?! – выйдя из сооруженного на въезде дзота*, и приказав каравану остановиться, – пролаял низкорослый офицер в пехотной униформе.

За ним, держа наготове «арисаки»*, скалились несколько солдат.

Предъявленное Шиффером письмо произвело на лейтенанта должное впечатление, и он лично пожелал сопроводить путешественников в комендатуру.

Она находилась в небольшом здании в центре, над которым развивался «солнечный флаг», а рядом, на деревьях, болтались несколько повешенных.

– Весьма колоритно, – хмыкнул Шеффер и первым спешил.

Комендант, которому, судя по всему, успели позвонить, встретил европейцев весьма предупредительно, предложил им сесть и тщательно изучил письмо.

– Куда следует ваша экспедиция? – спросил он по – китайски, возвращая документ Шифферу.

– Мы возвращаемся на родину после научных изысканий, – извлек тот из кармана френча две сигары и протянул одну капитану, – угощайтесь.

– О! настоящая «корона», – расплылся тот в улыбке, а стоящий рядом адъютант дважды предупредительно щелкнул зажигалкой.

– А почему вы следуете именно этим путем? Есть короче, – окутавшись душистым облаком, – поинтересовался комендант и блеснул очками.

– В горах полно партизан, а по нашим сведениям он самый безопасный.

– Резонно, – кивнул тот, – троих я сегодня приказал повесить.

После этого Мацумото, – так звали капитана, приказал адъютанту определить путешественников на постой и пригласил их к себе на ужин.

Экспедицию разместили в одном из пустующих домов, на соседней улице, слуги развьючили животных и повели их к реке на водопой, а остальные занялись обустройством.

Вечером за немцами снова зашел адъютант, и они отправились на ужин.

Стол был накрыт на лужайке за комендатурой, под кроной раскидистого баньяна*.

– Прошу вас, господа, – сделал радушный жест, облаченный в шелковый, расшитый драконами, халат Мацумото, и все удобно расположились на плетеных циновках, за низким, с гнутыми ножками столом.

На нем уже стоял керамический кувшинчик с саке* в окружении миниатюрных чашек, традиционные японские суши, зелень и еще какие-то закуски.

– За нашего божественного Императора! – лично разлив саке, провозгласил первый тост хозяин.

– Ну и гадость, – тихо сказал Бегер Гееру, вытянув свою чашку, – да к тому же еще и теплая.

Затем последовал второй, за победу над Гоминьданом* и коммунистами, а когда плотно закусили – третий, за Адольфа Гитлера.

В этой связи следует отметить, что, являясь внешне нейтральной, Германия благоволила Японии в войне с Китаем. Ее военный атташе* оказывал услуги Генеральному штабу, а в страну Восходящего солнца, регулярно поставлялись цейсовская оптика, химическое сырье и броня с крупновских заводов.

Холодные закуски дополнились горячей китайской лапшой с мясом, именуемой тюка – соба, а также тушеными овощами.

Первый кувшинчик вскоре был заменен вторым, и беседа стала более непринужденной.

– Позвольте спросить, Шеффер – сан, а что за китайцы следуют с вами? – поинтересовался у штурмбанфюрера Мацумото.

– Это монахи из Шаолиня, – мастера боевых искусств, – последовал ответ. – Они будут выступать перед фюрером.

– О! – радостно потер руки капитан – А не сразятся ли они с нашими?

– У вас тоже есть такие мастера?

– В императорской армии их много, – значительно произнес Мацумото.

– Ну, так как?

Спустя пять минут у стола стоял Цзи Цинь, и Шеффер озвучил ему предложение капитана.

– Почту за честь, – ответил тот. – Где противник?

– Вот он, – положил Мацумото руку на плечо сидящего рядом с ним адъютанта. – Лейтенант Такаси, как и я, потомственный самурай, а к тому же мастер каратэ, которому нет равных.

– «Каратэ» это боевое искусство? – на ломаном японском поинтересовался Винерт.

– Да. И причем лучшее в мире.

После этого лейтенант встал и отправился переодеваться, а тибетец отошел на середину лужайки и снял с себя халат.

Вскоре Такаси вернулся (на нем была светлая куртка с черным поясом и штаны) и противники, поклонившись друг другу, заплясали по траве.

Через секунду лейтенант ринулся в атаку, и все смешалось.

Они наносили друг другу серии ударов, делали молниеносные подсечки и броски, падали по – кошачьи на ноги и снова нападали.

Однако техника Такаси бы более жесткой, и он был подобен топору.

Вскоре руки и смуглый торс Цзи Циня покрылись кровоподтеками, и Мацумото победно взглянул на Шеффера.

Однако тибетец сдаваться не собирался, и бой продолжался по нарастающей.

В очередной раз взмыв над противником, самурай с криком – иа!, попытался нанести противнику сокрушительный удар в голову, но вместо нее рассек воздух.

В то же мгновение Цзи Цинь отказался у него сбоку, последовал легкий тычок в печень, и бой кончился.

Такаси корчился на траве, а тибетец снова поклонился и отошел в сторону.

– Китайская собака, – едва слышно прошипел Мацумото, и изобразил на лице улыбку.

– Лейтенант выпил слишком много sake, – обращаясь к гостям, сказал он. – Иначе бы все сложилось по – другому.

Глава 4. Похищение сабинянок

Хмурым сентябрьским вечером, сияя сотнями иллюминаторов, в порт Гамбурга вошел океанский лайнер.

– С мостика пролаял мегафон, из клюза загремели якорные смывки, и мощные лебедки опустили вниз пассажирский трап.

– Ну, вот мы и на родине, – сказал окружающим его спутникам Шеффер, и, приказав двум матросам захватить багаж, первым направился к выходу.

Спустившись вниз, они перепоручили его носильщику, и тот покатил по бетону, тяжело груженую тележку.

Затем на стоянке у порта наняли два такси, и Бегер назвал адрес.

Через час вся компания, оставив тибетцев в приемной, сидела в кабинете шефа гамбургского отделения «СС», а тот связывался по телефону с Берлином.

– Рейхсфюрер, – почтительно протянул он спустя минуту трубку Шефферу, после чего, встав, тот приложил ее к уху.

– Я тоже рад, экселенц*, благодарю! – рявкнул он и вытянулся.

– Да, результаты есть, о них доложу при встрече, – покосился на хозяина кабинета.

Затем Шеффер слушал еще минуту, после чего аккуратно положил трубку на рычаг и обернулся к спутникам.

– Утром за нами будет выслан самолет, – а вы Рейнгольт, – ткнул пальцем в гауптштурмфюрера, – организуйте нам гостиницу.

– Яволь, – с готовностью ответил тот, и снова потянулся к телефону.

Вскоре доставленная по назначению группа, за исключением монахов (тех поручили опеке Рейнгольта) уютно расположилась в просторных апартаментах отеля «Fuerst Bismarck» и заказала туда ужин.

– За великий Рейх господи! – патетически произнес Шеффер, когда предупредительный официант, пожелав приятного аппетита, вышел, и все собрались вокруг стола.

В воздухе трижды грянуло нацистское приветствие, у потолка тонко зазвенел хрусталь люстр, а внизу бокалов.

– Отличное шампанское! – опорожнив свой, – вгрызся в сочный персик Геер.

– А русская икра все равно лучше, – отправляя в рот зернистый бутерброд, – смачно зачавкал Краузе.

– Скоро, парни, мы будем есть ее ложками, – прогудел Бегер, и все оглушительно захохотали.

После сытного ужина настроение у всех стало благодушным, и развалившись в мягких креслах, кто потягивая ликер, а кто дымя сигарами, они стали строить планы на будущее.

– Уверен, что после столь удачной экспедиции, нас всех наградят, – пуская вверх синие колечки дыма, – высказал предположение Краузе.

– Лично я не против, – засопел Бегер. – получить «Железный крест».

– А я бы предпочел марки, – сказал Винерт, кругленькую сумму.

– Ладно, нечего попусту болтать, – осадил их Шеффер. – Эдмунд, включи – ка радио, послушаем, голос Рейха.

Сидящий ближе всех к блестящему никелем «Телефункену» Геер, протянул к нему руку и щелкнул клавишей.

Градуированная шкала приемника засветилась, в центре по кошачьи вспыхнул зеленый глазок, и апартаменты наполнились звуками бравурного марша.

А через минуту он стих, и все стали внимать очередной речи фюрера.

Как всегда, она была полна экспрессии и будоражила умы, порой голос вождя срывался на крик, и все это вызывало бурные овации

«Для решения Германского вопроса может быть только один путь – путь насилия! Цель Германии – захват нового жизненного пространства на Востоке и его беспощадная германизация! – подобно мессии вещал вождь, и это ласкало слух

«Необходимо обеспечить нужное жизненное пространство! – продолжал он. – Никакое умничанье здесь не поможет, решение возможно лишь с помощью меча! Народ, который не найдет в себе силы для борьбы, должен уйти со сцены! Борьба сегодня стала иной, нежели сто лет тому назад! Сегодня мы можем говорить о расовой борьбе! Сегодня мы ведем борьбу за нефтяные источники, каучук, и полезные ископаемые!

И все это должно принадлежать нам, великой арийской расе!!..

Когда речь закончилась, и снова зазвучали марши, – эсэсовцы встали и выпили по рюмке коньяка, за здоровье фюрера.

Потом Шеффер подошел к окну и, сложив на груди руки, обозрел сверху ночной Гамбург.

На ближайшей к отелю площади, в небо понимались языки пламени.

Под восторженный рев толпы, штурмовики жгли книги.

...Рано утром, промчавшись по пустынным улицам Гамбурга, на которых остались следы очередного еврейского погрома, два автомобиля с экспедицией прибыли на один из военных аэродромов.

Там их уже ждал небольшой одномоторный самолет, который спустя три часа приземлился в пригороде Берлина.

– Прошу вас, господа, – встретил прибывших молодеватый шарфюрер, и вскоре два черных «опеля» неслись в направлении столицы.

Миновав центр, автомобили проследовали в район Далем, административного округа Штеглиц – Целендорф, расположенный на юго-западе Берлина, застроенный утопающими в зелени вилами и свернули на обсаженную липами аллею. Затем, прокатив сотню метров по брусчатке, въехали в отворившиеся перед ними двухстворчатые высокие ворота, с расположенной рядом полосатой будкой и, скрипнув тормозами, встали перед помпезным зданием.

На нем, выстроенном в готическом стиле, над входом развевалось алое, увенчанное свастикой полотнище, а внизу, расставив ноги, застыли два рослых часовых в фельдграу* и с нарукавными повязками.

Монахов, на которых теперь были фетровые шляпы, темные плащи и лакированные ботинки, шарфюрер увел с собою, а «ученые» с достоинством стали подниматься по гранитным ступеням.

Войдя внутрь, они оказались в громадной, со стрельчатым потолком прихожей, с холодно мерцающими вверху люстрами и стенами, отделанными мореным дубом, с висящими на них бронзовыми гербами, мягко прошагали по пурпурного цвета ковровой дорожке и поднялись по широкому маршу на второй этаж.

Читатель уже вкратце знаком с той организацией, в которой служили Шеер и его коллеги, но, полагаю, стоит рассказать о ней подробнее.

К данному историческому моменту «Аненербе» вполне сформировалась как тайная организация Третьего рейха и имела в своем составе более тридцати отделов и лабораторий, которые занимались не только теологическими науками.

В наиболее засекреченных из них изучались всевозможные, доставляемые туда с разных концов света артефакты, проводились технические и медицинские изыскания и опыты.

И все это имело целью, создание нового человека и сверхоружия.

Организация щедро финансировалась крупными германскими концернами «[BMW](#)», «[Daimler-Benz](#)» и Немецким банком, в ней в поте лица трудились многие известные ученые и специалисты, в том числе освобожденные из концентрационных лагерей.

Но если «абрис»* нового человека успешно создавался и укладывался в расовую теорию, то второй аспект деятельности желал лучшего.

Чаша Грааля*, Копье судьбы* и другие священные реликвии, по – прежнему оставались недостижимыми, а места их предположительного нахождения, в сотнях расшифрованных древних папирусах и манускриптах, были весьма туманными.

И теперь, следуя к кабинету могущественного шефа «Аненербе», Шиффер и его коллеги, несли желанную весть.

В приемной их уже ждал личный адъютант Гимmlера, без проволочек проводивший всех в кабинет второго лица Рейха.

– Зиг хайль! – дружно выбросили вверх руки все пятеро, как только узрели сидящего за громадным столом рейхсминистра, и тот не вставая им ответил.

Гимmlер был в военном, цвета хаки мундире, белой сорочке с галстуком и золотым значком НСДАП* на кармане френча.

Позади рейхсляйтера*, со стены, на вошедших пучился Адольф Гитлер, снятый на фоне Альп, а в простенке, между двумя с тяжелыми шторами окнами, висело полотно Никола Пуссена «Похищение сабинянок».

– Присаживайтесь, господа, – холодно блеснули очки, – а вас, Эрнст, прошу вот сюда, в кресло.

Рейхсминистр благоволил к известному биологу и исследователю Востока, и не скрывал этого.

Итак, я вас слушаю, – сказал он, когда Шеффер сел в стоящее у приставного стола кресло, а остальные на длинный ряд стульев в противоположном конце.

– Мы нашли, то, что искали, экселенц, – выпятил вперед подбородок Шеффер и сделал значительную паузу.

Стало слышно, как в кабинете качается маятник напольных часов, а у Гимmlера отвисла челюсть.

– Дальше, – прохрипел он, после чего снял очки, и, протерев их носовым платком, дрожащей рукой водрузил на место.

Когда же штурмбанфюрер коротко поведал шефу «Аненербе» о том, что уже знает читатель, Гимmlер впал в прострацию.

Затем очнулся, взял себя в руки, и, налив в хрустальный стакан воды из стоящего на столе графина, жадно его вылакал.

– Я хочу Это видеть, – воззрился на Шеффера. – Немедленно!

Тот сделал знак сидящим позади, и Бегер с Краузе зарысили к выходу.

Вскоре они вернулись с двумя потертými кофрами, водрузили их на стоящий под окнами, длинный стол для совещаний, открыли и осторожно извлекли находки.

– Вот, прошу вас, – сделал приглашающий жест Шеффер и, поднявшись из кресла, подошел к столу.

Гимmlер сделал то же самое, несколько минут пристально их рассматривал, а потом возвел глаза к потолку и стал шептать молитву.

– Я сейчас же доложу об этом фюреру! – закончив общение с Богом, обвел он глазами присутствующих.

– Хотя нет, Эрнст – сначала вы покажите мне, как работает шлем. Немедленно едем в Шпреевальд!

Спустя час, «Хорьх» рейхминистра в сопровождении двух автомобилей охраны, въехал на территорию расположенного в Шпреевальде секретного полигона «Аненербе», где помимо опытов над людьми, доставляемыми из ближайшего концлагеря, проводились и некоторые другие.

Он находился в сосновом лесу, был окружен колючей проволокой и надежно охранялся.

Выбежавший из главного корпуса и отдавший рапорт комендант, лично сопроводил кавалькаду* в дальний конец леса, где помимо прочего, находилось и стрельбище, после чего застыл перед вышедшим из машины рейхсминистром.

– Доставьте сюда десяток подопытных. Из тех, что уже не представляют интереса, – взмахнул лайковой перчаткой Гиммлер. – И поместите их вон туда – кивнул на расположенный в конце стрельбища, пятнистый бронеколпак.

– Слушаюсь! – рявкнул комендант, и все прошли в расположенное рядом укрытие.

– А вы, – обернулся рейхсфюрер к захваченному с собой кинооператору, снимите все на пленку.

Когда все было готово, Гиммлер взял из рук адъютанта цейсовский бинокль, и обернулся, – начинайте.

Вслед за этим застрекотала кинокамера, Шеффер кивнул держащему в руке саквояж Краузе, и, спустя минуту, тот стоял со шлемом на голове у амбразуры.

Во время плавания на лайнере, участники экспедиции изучили его по мере сил, и определили Краузе в операторы.

После этого штурбанфюрер скомандовал, – огонь! и Краузе поднял к шлему руку.

В следующее мгновение на колпаке заплясала золотая нить, и он, словно в кошмарном сне, бесшумно развалился,

– Сила богов, – прошептал ошарашенный рейхминистр и вернул бинокль адъютанту.

Когда вся группа, шагая по росистой траве подошла к тому, что раньше было укреплением, перед ними предстала апокалипсическая* картина.

Крупновская, упрятанная в цемент броня была рассечена словно арбуз и оплавилась, а от людей остались дымящиеся ошметки.

– Невиданно! – радостно осклабился, обычно сдержанный шеф «Аненербе».

– Эрнст, вы герои нации!

«Герои» воротили носы от запаха горелого мяса и натянуто улыбались.

На следующий день, по бетонной автостраде, следовавшей из Берлина на юг Баварии, мчались два черных лимузина, сопровождаемые бронетранспортером.

В первом, откинувшись на мягкую спинку заднего сидения, сидели рейхсфюрер с Шеффером, следующем позади его подчиненные, а в бронетранспортере, под надежной охраной отделения эсэсовцев, покоились артефакты и отснятая накануне пленка.

Группа ехала на встречу с фюрером в его альпийскую резиденцию «Бергхофф», с докладом о знаменательном событии.

Спустившись в долину и проследовав тихий Зальцбург с остроконечными шпилями древних соборов и черепичными крышами домов, машины выехали на серпантин, ведущий в сторону господствующей над местностью горы Оберзальцберг, на вершине которой и находилась резиденция.

Несколько лет назад Борман построил здесь небольшой «чайный домик» и подарил его первому лицу Рейха. Тот по достоинству оценил прекрасный альпийский пейзаж, открывавшийся с вершины горы, и вскоре здесь возвели помпезный двухэтажный особняк с большими окнами и открытой террасой, где фюрер принимал европейских гостей, строил планы и проводил часы досуга.

Поскольку день выдался теплым, аудиенция состоялась на террасе и в отсутствие посторонних.

После взаимного приветствия и гипнотического обзора прибывших, Гитлер кивнул рейхсминистру, – я слушаю.

– Мой фюрер! – сделал тот шаг вперед. – Свершилось!

Далее последовал обстоятельный доклад о найденном у священной горы Лхаса, и глаза отца нации радостно сверкнули.

– Я знал! Знал!! – воздел он к небу руки, словно призывая его в свидетели, и нервно забегал по террасе.

Потом остановился, заложил правую руку за лацкан френча и принял позу римского патриция.

Через минуту внизу застучали кованые сапоги, дюжие солдаты аккуратно поставили на мраморный пол стальной несгораемый ящик и удалились.

Демонстрация артефактов произвела на фюрера непередаваемое впечатление, и он долго их рассматривал.

– Все это неземного происхождения, – уверенно сказал он. – А теперь я желаю смотреть фильм. Следуйте за мною.

Когда вызванные наверх эсэсовцы, заперев ящик и передав ключи Гиммлеру, унесли его вниз, все прошли в смежный с террасой кинозал и туда вызвали кинооператора.

– Зарядите установку, – передал ему Шеффер жестяную коробку.

Фильм привел рейхсканцлера в крайнее возбуждение, и он приказал показать его трижды.

А когда жужжание проектора затихло, и в зале загорелся свет, долго сидел молча.

Затем встал, то же сделали остальные, и, переходя от одного к другому, поочередно пожал всем руки.

– Вы и ваши люди, Шеффер, сделали невозможное, – покровительственно похлопал по плечу штурмбанфюрера. – И заслуживаете самых высоких наград. Я подумаю над этим.

– А вы, Генрих, – обернулся к Гиммлеру, позаботьтесь, чтобы все останки летательного аппарата, как можно скорее были доставлены в Рейх. Для научных изысканий.

– Кстати, что были за люди внутри колпака?

– Евреи, – пренебрежительно махнул рукой Гиммлер. – Из тех, кто уже не может нам быть полезен.

– Вы безжалостны к врагам Рейха, Генрих. И это меня радует. До встречи, господи.

И да поможет нам Бог!

Вернувшись в штаб-квартиру «Аненербе», Гиммлер, пригласив к себе Шеффера, лично занялся подготовкой столь ответственной операции.

Для начала они задумались над ее названием, а потом штурмбанфюрер взглянул на картину Пуссена и предложил, – «Похищение сабинянок».

– Гм-м, – воззрился на полотно Гиммлер. – А почему нет. Я согласен. И черкнул «паркером»* в блокноте.

Далее перешли к конкретике, и Шеффер предложил ужу имевшийся у него план, дополнив его произведенными при возвращении выкладками.

– Вы, Эрнст, бесценный сотрудник, – откинувшись в кресле, и глядя на подчиненного, сказал рейхсминистр. – Давайте обсудим детали...

Вращая прозрачными дисками винтов и натужно завывая, трехмоторный грузовой «юнкерс», плыл в заоблачной сини, над Гималаями.

– Подлетаем! – проорал Шефферу на ухо, вышедший из кабины штурман, и они еще раз сверились по карте.

На жесткой, тянущейся по правому борту алюминиевой скамейке, сидели уже знакомые читателю участники первой экспедиции, а на противоположной, еще десять человек.

Двое из них были лучшими водолазами «кригсмарине», а остальные спецгруппой СС, имеющей опыт диверсионных операций.

Вылетев несколько дней назад с военного аэродрома Потсдама, и совершив посадки для дозаправки в Анкаре, Тегеране и Исламабаде, самолет благополучно вошел в воздушное пространство Китая и теперь подлетал к Тибету.

На его борту имелось все необходимое для проведения операции, включая новые глубоководные «ребризеры»*, газовые горелки с кислородными баллонами, механическую лебедку и даже разборную автомобильную платформу, для перевозки грузов.

В целях конспирации, «юнкерс» не имел опознавательных знаков, а его экипаж и пассажиры были экипированы в форму русских войск НКВД.

И к тому имелись веские причины.

По сведениям, полученным Гиммлером из «Абвера», в Тибете, несколько последних лет, под прикрытием художников и этнографов, работала советская резидентура, возглавляемая неким Рерихом, занимающаяся поиском «высших знаний». И, в случае утечки информации, все можно будет свалить на большевиков.

– Снижаемся! – снова возник из кабины штурман. – Всем держаться!

Пассажиры зашевелились и уцепились за предохранительные ремни, а звук моторов стал тише.

Спустя еще несколько минут, за иллюминаторами размыто понесся земной ландшафт, затем последовали толчки и, в последний раз взревев двигателями, самолет остановился.

– Выгружаемся! – встал со скамейки Шеффер, и первой, в открытый проем люка, выпрыгнула спецгруппа.

Как и в прежний раз, окутанная туманом Кайлас, встретила людей молчанием, вокруг было дико и безлюдно.

Старший из диверсантов, шарфюрер Леер, тут же отправил четверых в дальнейшее охранение, а остальные, под руководством Шеффера, стали таскать грузы к скале – зеркалу и натягивать палатки.

Когда в небе зажглись первые звезды, все было готово. За исключением автоплатформы, с которой возились летчики. Спустя час она тоже была собрана и опробована, после чего все поужинали и завалились спать.

Где-то в горах с шумом обрушилась лавина...

– Форверст! – хлопнул Шеффер по обрешиненному плечу аквалангиста и тот, вслед за первым, мягко скользнул в воду.

Спустя пятнадцать минут, они оба всплыли, и вытащили на берег первую находку.

Это был искореженный кусок обшивки, с торчащей из него штангой.

– Наподобии гидравлической, – ощупал ее Бегер, а Краузе сделал несколько снимков.

Далее последовало что-то вроде зубоорудного кресла, с высокой спинкой и блестящими рукоятками манипуляторов на подлокотниках, а потом второй, аналогичный поднятому ранее, экран. Этот был в форме эллипса с выпуклой прозрачной линзой и непонятными значками внутри нее.

Их тоже сфотографировали.

К полудню, с помощью манильского каната и лебедки, из озера извлекли и тот фрагмент обшивки с иллюминатором, который нашел Винерт.

При ближайшем рассмотрении, на поверхности обнаружили два круглых, оплавленных изнутри отверстия, и все переглянулись.

– Это что же, по нему стреляли? – высоко вскинул брови один из летчиков, и Шеффер пожал плечами, – возможно.

Затем все находки погрузили на платформу, и она, урча мотором, покатила в сторону чернеющего вдали самолета.

В течение следующих двух суток, работая и по ночам, со дна озера подняли еще несколько фрагментов корабля, напичканных мешаниной покореженных устройств и приборов, и, сопоставив все по сделанным Краузе фотографиям, Шеффер пришел к выводу, что он представлял из себя обоюдовыпуклый диск без крыльев и окружностью примерно в десять метров.

– Все в этом аппарате противно законам аэродинамики, – сказал, рассматривая сделанный штурмбанфюрером рисунок, пилот «юнкера».

– И, тем не менее, он летал, – последовал ответ. – И мы будем.

Утром третьего дня Леер доложил Шефферу, что по направлению к озерам следуют женщина и мужчина на яках и с ними ребенок.

– Вы знаете, что делать, Людвиг, – сказал тот. – Они должны исчезнуть.

Когда к исходу недели все обнаруженные останки инопланетного корабля были извлечены из воды и погружены в чрево самолета, с помощью магнитного щупа, на дне был найден еще один.

Артефакт завяз в песке, имел форму небольшого, с рубчатой поверхностью бочонка, прикрепленного к станине и несколько массивных патрубков, с рваными краями.

Но, самое интересное, он был теплым, о чем Шефферу, не преминул доложить старший из аквалангистов.

Незадолго перед отъездом из Берлина, начальник технической лаборатории «Аненербе», которая сразу же занялась исследованием доставленных артефактов, сообщил штурмбанфюреру, что в них обнаружена слабая радиоактивность.

– Захватите на всякий случай это, – вручил он ему счетчик Гейгера*, – может пригодиться.

К слову, Шеффер весьма интересовался всеми научными достижениями своего времени, и знал об открытиях Марии Кюри и Бора*.

Немало повозившись («бочонок» был весьма тяжелым), с помощью совместных усилий лебедки и автоплатформы, его вытащили на берег, и Шеффер поднес к находке счетчик.

Тот едва слышно затрещал, и стрелка индикатора качнулась вправо.

– Судя по всему, это двигатель, – предположил стоящий рядом Винерт, после чего все укутали несколькими слоями блестящей фольги (по совету того же начальника) и тоже подняли на борт «юнкера».

Затем все следы пребывания группы на берегу были уничтожены, и она переночевала в самолете.

Ранним утром, едва снежные пики гор порозовели, «юнкерс» взревел настывшими моторами, прогрев их развернулся и стал набирать скорость.

В самом конце плато он тяжело оторвался от земли и, натужно гудя, повис в воздухе.

Обратный путь занял больше времени – при подлете к Анкаре вышла из строя топливная система одного из двигателей, и два дня ушли на ремонт, затем состоялась посадка в Потсдаме, где самолет уже встречали и спустя час, экспедиция была в штаб – квартире «Аненербе».

После доклада Гиммлеру и осмотра тем «похищенных сабинянок», все доставленное засекретили и передали в специально созданную лабораторию «Z», а Шеффера и его сподвижников, фюрер удостоил высших наград Рейха.

Работу лаборатории, по личному указанию Гитлера, возглавил талантливый ученый и конструктор Вернер фон Браун.

Уроженец Восточной Пруссии, романтик и ярый нацист, фон Браун, специализировался в вопросах создания ракетных двигателей и сразу же заинтересовался новым, доставленным из Тибета аналогом. А когда понял, что тот работал на неведомой энергии, (данное подтвердили химические и радиологические анализы), пригласил к себе изучавших это направление профессоров Динберга, Герлаха и Гейзенберга.

Те подтвердили его предположения и начались кропотливые исследования.

К следующей весне они дали первые результаты.

Энергия являлась производным от урана*, который уже был известен довольно широкому кругу ученых, и могла быть технически воспроизведена.

Одновременно с этим, велись работы по воссозданию аэродинамической формы и конструкции инопланетного корабля, а также исследовался образец неизвестного оружия.

Спустя год, в этом вопросе тоже наметились сдвиги.

Корабль, как и считал Шеффер, действительно был сферической формы, диаметром двенадцать и высотой четыре метра, с расположенными по окружностям иллюминаторами, имел две палубы, с установленным на нижней двигателем, пультом управления и креслом пилота, а также два, выведенных наружу неизвестного назначения, сопла и три посадочные штанги, телескопического свойства.

Природа же золотистого луча, пока оставалась неизвестной. Более того, после нескольких, экспериментальных пусков, энергия в создающем его приборе иссякла и больше не восполнялась.

Тем не менее, работа продвигалась вперед, лично курируемый Гиммлером научный коллектив получал все необходимое, его финансирование непрерывно увеличивалось.

Вскоре на базе лаборатории, в Пенемюнде* был создан ракетный полигон, и открыт глупо законспирированный имперский проект, названный «Оружием возмездия».

Глава 5. Крах

На планете пылал пожар войны.

В нем уже сгорели Польша, Норвегия и Франция, армия Роммеля вела победоносные бои в Африке, а танковые корпуса Манштейна, перемалывая все, что вставало на их пути, двигались к Сталинграду.

Третий Рейх был в зените величия.

В городах и землях звучали бравурные звуки маршей, великий фюрер, потрясая кулаками с трибун, предрекал скорую победу, а миллионные толпы, размазывая слезы, восторженно орали «Хайль!».

Раса господ готовилась управлять миром.

...Ветреным мартовским утром 1942 года, от стенки гамбургского порта отошли два крупнотоннажных ледокольных парохода, и, дав прощальные гудки, растаяли в море.

В штурманской рубке первого, именуемом «Фатерланд» рядом с капитаном стоял Шеффер в высокой фуражке с черепом, черном кожаном пальто и самодовольно попыхивал «гаваной»*.

Вот уже третий год, получив новое назначение, штандартенфюрер являлся начальником сверхсекретного объекта в Антарктиде.

Основанный после трех германских экспедиций на «Купол мира»*, он официально именовался Новой Швабией (в секретных документах «Агарты») и активно развивался.

И к этому имелись веские причины.

Во – первых, объект находился в труднодоступном месте на Земле Королевы Мод*, в необычном для полярных широт обширном оазисе с достаточно теплым климатом и растительностью, что объяснялось наличием термальных источников; во – вторых, с началом войны там были обнаружены богатые залежи урана и других редкоземельных металлов, необходимые для реализации программы «Оружие возмездия», которая стремительно набирала обороты, и, в – третьих, место расположения Новой Швабии идеально подходило для создания второй столицы Рейха, откуда планировалось управлять Миром.

В том, что победа не за горами, Шеффер не сомневался.

Формула инопланетного топлива, а также его состав и принцип действия, в лабораториях «Анерберге» были разгаданы, на подземных заводах Кенигсберга начал производиться первый вид «оружия возмездия» – крылатые ракеты «ФАУ», которые должны были стереть с лица земли Лондон, а на острове Рюген в Балтийском море, велись работы по созданию их второго поколения.

Работы возглавлял уже известный читателю Вернер фон Браун со своими помощниками, денно и ночью трудившимися на благо Рейха.

Кроме того, в австрийских Альпах, второй группой немецких ученых, под руководством доктора Штейнлица, завершались работы по созданию дисколета, (так называли новый летательный аппарат), первые испытания которого намечалось провести в следующем году.

– Пойду в каюту, Вильгельм, – сказал капитану Шеффер и швырнул окурочек в открытый иллюминатор. – Чертовски устал за эти дни, необходимо отоспаться.

– Вы заслужили это Эрнст, – записывая что-то в вахтенный журнал, сказал тот, – Добрых сновидений.

Две недели назад, на этих же судах, доставивших в фатерланд* сто тонн урановой руды и немного палладия* Шеффер вместе с своим заместителем Винертом, прибыли в Берлин, на доклад к Гиммлеру.

Шеф «Анерберге» высказал неудовлетворение состоянием дел в Швабии – по его мнению, превращение ее в столицу велось недостаточно быстро, и устроил обоим разгон.

А когда Винерт (он был непосредственным куратором работ) посетовал на недостаток рабочих рук и специалистов, разрешил их набрать в Бухенвальде и Вюнсдорфе, из военнопленных.

– И непременно славян, – буркнул он. – Эти скоты живут дольше.

Труд лагерников в Швабии – «Агарте», использовался и раньше. Но пока это были евреи, с достаточно высоким интеллектом, но слабого здоровья. В антарктических условиях они выдерживали в лучшем случае полгода, а затем слабели, и их топили в море.

Активизация усилий требовала других – крепких и выносливых.

Посещая в течение недели лагеря, при участии их администраций, Шеффер с Винертом скрупулезно отобрали тысячу двести «хефтлингов»*, бывших в прошлом квалифицированными строителями, механиками, электриками и водителями.

Затем, после санобработки, те под конвоем были доставлены в порт и погружены в трюмы «Фатерланда» и «Голиафа» (так называлось второе судно).

Помимо этого, пароходы приняли на борт несколько тысяч тонн грузов, в числе которых были необходимые техника, механизмы, оборудование и продукты.

... Оставив позади Северное полушарие и войдя в воды Южного океана, «Фатерланд» со следующим в фарватере «Голиафом», взяли курс на остров Буве, а от него к Земле Королевы Мод, скрывающейся за горизонтом.

Внизу размеренно гудели машины, винты перемалывали густую воду.

– Лево пять! – бросил рулевому капитан Шнитке, и справа по борту величаво проплыл айсберг.

– Еще сотня миль, Вильгельм, и мы дома, – озирая в бинокль бескрайнюю пустыню, довольно изрек Шеффер.

– Да, теперь Германия и здесь, благодушно ответил капитан, и, наклонившись к переговорной трубе, приказал прибавить оборотов.

К вечеру суда приблизились к закованной в пак*, береговой кромке и пошли вдоль высящихся над ней, заснеженных ледяных пиков.

Через десяток миль, у одного из них, над которым искрилось туманное марево, они сбросили ход и, переложив рули вправо, подошли к побережью еще ближе.

Оттуда, волчьим глазом, несколько раз мигнул ратьер*, «Фатерланд» ответил, и суда миновали стоящие в тени скал, на якоре, два эсминца.

Корабли были типа «Леберехт Маасс»* и в арктическом камуфляже.

Далее перед ними открылась широкая расщелина, это был вход в «Агарту».

Пока он охранялся брандвахтой,* но со временем предполагалась маскировка.

Вскоре ледяные, теряющиеся вверху стены, чуть раздвинулись, воздух стал теплее, и впереди возник обширный залив.

По размерам он был чуть меньше гамбургского рейда* и с трех сторон окружался зеленой, с каменными осыпями, долиной. На ее пологих склонах росли хвойные леса, прорезанные лентами мелких рек, а еще выше лежал снег и синели горные вершины.

Впрочем, природу нельзя было назвать девственной.

От берега, в воду, уходил длинный металлический пирс, в северной части долины чернел десяток, обнесенных колючей проволокой длинных барачных корпусов, в южной выселись несколько кирпичных зданий и ангаров, а на скальном, господствующем над местностью плато, стучали пневмомолотки и ползали два гусеничных «даймлера»*.

И это было не все, объект надежно охранялся.

Вверху, на скалах, виднелись несколько пятнистых бронекорпусов и три орудия, а у пирса стояли два торпедных катера.

Как только первое из судов оказалось в поле зрения, в базе пронзительно завыл ревун и «Фатерланд» трижды ему ответил.

Спустя час, Шеффер сидел в своем рабочем кабинете, из окна которого открывался почти альпийский вид и слушал доклады главного инженера и коменданта.

Те сообщили, что за время его отсутствия происшествий на объекте не было, работы ведутся по графику, и есть хорошие новости.

– Какие? – с интересом воззрился на них штандартенфюрер.

– Завтра мы запускаем гидроэлектростанцию, и при прокладке очередной штольни* обнаружена целая сеть карстовых пещер.

Новости действительно были приятными, поскольку все растущая «Агарты» испытывала хронический недостаток в электричестве и производственных помещениях, а также надежных хранилищах для ценных грузов и продовольствия.

– Едем, я хочу на все это взглянуть, – встал из-за стола Шеффер и все трое застучали каблуками по дубовому паркету.

К упрямой в небольшом распадке* гидроэлектростанции, они добрались по вымощенному булыжником серпантину, на котором работали несколько групп изможденных узников, охраняемых эсэсовцами в пятнистой униформе, вооруженными автоматами.

Приказав водителю остановиться у высокой и еще сухой плотины, начальники вышли из открытого «опель – капитана», поднялись по трапу в машинное здание и несколько минут наблюдали, за пуско-наладочными работами.

– Гут, – довольно качнул высокой тульей Шеффер, и они поехали к штольням.

Их входы чернели в скалах на плато, и из одного выезжала груженная вагонетка.

Впрягшись в лямки, ее тащили пять хефтлингов, а еще трое толкали сзади.

– Живее, живее ленивые свиньи! – орал стоящий здесь же надсмотрщик, с тяжелой кобурой на поясе и змеящейся в руке плеткой.

Увидев начальство, он вытянулся и выбросил вверх руку, а комендант бросил, – сопроводи нас!

Вся группа вошла под высокий свод и зашагала по дощатому настилу.

Пробитая в скальном массиве, штольня позволяла въезжать в нее армейскому грузовику, и тускло освещалась редкими, подвешенными вверху фонарями.

Через пятьдесят метров она заканчивалась обширной, кубической формы камерой, в которой трудился еще десяток узников, под охраной двух эсэсовцев.

Камера сопрягалась еще с двумя, ответвляющимися от нее выработками, и надсмотрщик сделал приглашающий жест в сторону левой, – сюда.

Штольня была короткой, и заканчивалась огромной карстовой пещерой, с таинственно мерцающими известковыми сталактитами*.

Сопровождающий шелкнул висящим на стене рубильником и ее залил свет установленного в глубине прожектора.

– Невероятно, – прошептал Шеффер, – здесь может поместиться Кельнский собор.

– Дальше еще, целый лабиринт и впечатляющих размеров, – доложил главный инженер. –

Но идти туда я пока не советую, опасно.

– Да, – поддержал его комендант, несколько дней назад сверху рухнул сталагмит* и раздавил нескольких заключенных.

– Плевать, – ухмыльнулся штандартенфюрер. – Главное, у нас теперь решен вопрос с хранилищами.

Затем они заехали на термальную станцию, которая исправно обогревала паром административный корпус и солдатские казармы, после чего Шеффер посетил строительство будущей резиденции Второй столицы.

Над ее проектом работали лучшие архитекторы в Берлине, и он был утвержден фюрером лично.

Резиденция предполагалась в форме черного, выстроенного из гранита куба, с высоким многогранным шпилем и распростертым над ним имперским орлом, держащим в лапах покоренную планету.

Когда, скрипнув тормозами, «опель-капитан» остановился у объекта, на котором трудились несколько сотен заключенных, последовала команда, – мютцен ап! и, сорвав шапки, все замерли.

Выйдя из машины и выслушав рапорт подбежавшего начальника конвоя, Шеффер заложил руки за спину, хмуро кивнул, и последовала вторая, – арбайтер!

В воздухе снова замелькали кирпичи, застучали тяжелые ломы и заскребли лопаты.

– Они у вас едва ползают, Кнопф, в чем дело? – обращаясь к начальнику, процедил штандартенфюрер.

– Эти скоты мрут, как мухи, – вздохнул тот. – Неважный материал, почти все евреи.

– Неважный, говорите? Ничего, завтра будет новый – русские и поляки. Повысьте им выработку.

– Слушаюсь! – повеселел Кнопф. – Живее работать, недоноски!

... Третью неделю заключенный № 7513, в прошлом лейтенант и командир взвода разведки, Алексей Ванин, катал вагонетки в мрачной штольне. Вместе с ним, подгоняемые руганью и ударами плети, тужились и хрипели его друзья: бывший моряк – катерник, Сашка Галич, одноглазый, с обгорелым лицом танкист Витя Хромов и воздушный стрелок – радист, Ахто Леви.

Все они попали в Бухенвальд за неудачные побегы, цепко держались друг за друга и надеялись организовать новый.

Однако мечта не оправдалась.

Назвавшись электриками и механиками, они надеялись покинуть лагерь смерти, где жизнь исчислялась несколькими месяцами, попасть на какой-либо завод, куда немцы отбирали специалистов, и оттуда по возможности дать тягу.

Но ошиблись.

Считая долгие дни плавания, и поначалу изнывая от жары, а потом, дрожа от холода, они поняли, что их везут в какие-то северные широты, а попав на базу впали в недоумение.

– Вроде как у нас в Сибири летом, а не Сибирь – констатировал Хромов. И друзья согласились.

Затем, поближе сойдясь с одним из старожиллов, того звали Моисеем, и он немного знал русский, приятели выяснили, что, скорее всего, это место в Арктике и не поверили.

– Я сам из Кандалакши, потомственный помор, – какая на хрен, Арктика, сплюнул Ванин.

– Так говорят, – пожал худыми плечами Моисей. – В этом мире все возможно.

Ночью, в бараке, тесно прижавшись друг к другу на жестких нарах, друзья обсуждали, как быть дальше.

– Тут мы долго не протянем, – тихо сказал лежавший в центре Ванин. – Факт.

– И я так т-тумаю, – прошептал Леви. – Моисей сказал, что за два года эт-то уже пятый транспорт. Все из предыдущих ум-мерли.

– Надо рвать когти, пока есть силы, – буркнул Галич. – Охрана тут поплоче, чем в Бухенвальде.

С этой ночи друзья стали готовиться к побегу.

Этому способствовало то, через пару дней, Ахто Леви, в прошлом классного электрика и неплохо знавшего немецкий, назначили в бригаду, прокладывающую телефонный кабель в заливе.

Вскоре он сообщил, что у пирса, на котором они монтировали токоприемники, стоят два торпедных катера, на которых можно совершить побег.

– Днем – н-на них находятся команды, – щуря светлые глаза, – сообщил Леви. – А вечером только два вах-хтенных.

– Катера это здорово, – сразу же заинтересовался Галич. – А они с торпедами?

– Т-та, – утвердительно кивнул прибалт, я видел-л как в один загружали две.

– А ну- ка, опиши его.

– Метров т-вадцать т-линной, на носу рубка, на корме зенит-тный пулемет.

– Скорее всего, это «S-7», – почесал затылок старшина. – Три дизеля, скорость 32 узла, дальность плавания 600 миль.

– Это более тысячи километров, – сжал губы Ванин. – Следует подумать.

На следующий день решение было принято окончательно, и друзья стали готовиться к побегу.

Для начала изучили систему охраны лагеря и установили, что напряжения в колючей проволоке нет, а затем определили «мертвое пространство» меж двумя вышками, куда ночью не достигал свет прожекторов.

Затем определили маршрут выхода к пирсу, тот был в километре от лагеря, и к нему можно было спуститься по каменной осыпи, после чего занялись изготовлением оружия.

Из двух, вытасненных из нар гвоздей, Галич с Хромовым, работая по ночам, изготовили заточки, а Ванин набил сырым песком пару старых носков, которые выменял на хлеб у Моисея.

– Отличная вещь и глушит наповал, – взвесил он в руке один. – Проверено.

Постарался и Ахто Леви. Он умыкнул из ящика с инструментами на пирсе миниатюрный надфиль*, которым предполагалось разрезать проволоку.

Теперь дело оставалось за погодой, а она не радовала.

Ночи установились ясными, и так было почти месяц.

Но однажды вечером небо затянули тучи, оттуда посыпались снег с дождем, и все кругом заволочло мутной пеленой.

– Сегодня, – тихо сказал после обязательной проверки Ванин Галичу, и тот молча кивнул, – понял.

Во второй половине ночи, когда барак спал, из его дверей тихо выскользнули четыре тени и растворились во мраке.

Спустя десять минут, плотно прижимаясь к земле и замирая, когда по лагерю в очередной раз начинали скользить пятна света, приятели подползли к проволоке.

– Пили, – прошипел разведчик Леви и тот осторожно зашоркал надфилем.

Вскоре раздался едва уловимый хруст, разрезанные концы были отогнуты в стороны и, перевернувшись вверх лицом, беглецы поочередно выбрались наружу.

Затем, переждав очередной луч, они перебежали к осыпи и, нырнув в небольшую впадину, немного отдышались.

– Все помнят, кому что делать? – оглядел Ванин друзей, и, получив утвердительный ответ, первым продолжил движение

Черная туша пирса возникла неожиданно.

Оба катера стояли к ней лагом*, а в конце тускло светил фонарь.

– Берем тот, что справа, – шепнул в ухо Галичу Ванин и, сбросив клумпы*, они поползли по холодному металлу.

Потом, затаив дыхание, по очереди перебрались на корму катера, после чего Леви скользнул к пулеметной турели, а остальные пробежали к световому люку.

– Давай, – чуть толкнул разведчик Хромова, и тот стал насвистывать немецкую «Марлен».

– Это ты Отто? – донеслось снизу, вслед за этим звякнул трап, и в люке возникла голова в пилотке.

– Хрясь, – опустилась на нее импровизированная дубинка, и немец беззвучно сполз вниз.

В тот же момент Ванин с Галичем нырнули вслед за ним, а Хромов стал отдавать швартовы.

Спустя пару минут первые двое появились снова, моряк с танкистом скрылись в машинном отделении, а лейтенант со шмайссером* в руке и гранатной сумкой, пробежал к турели.

– Держи, – сунул ее Леви. – Как только отойдем, швырнешь парочку в соседний.

– Ну, как, порядок? – бросился лейтенант к Галичу, как только тот появился снова.

– Ага, – запалено дыша, сказал старшина. – Я Витьке все объяснил, ход будет.

Вслед за этим они помчались к боевой рубке, звякнула бронированная дверь, и через непродолжительное время, за кормой «шнельботтена»* вскипел бурун.

– Давай, давай! – заорал в реве двигателей Галич, и катер стал плавно отходить от пирса.

Когда, набирая скорость, он проносился мимо второго, на корме того грохнули два взрыва.

– Тонет, блядь! – оглянулся назад Ванин. – Жми, Сашок! Наяривай!

Между тем в базе началась тревога.

Сначала пронзительно взвыл ревун, а затем откуда-то со склона, по заливу заметался луч света.

В тот же момент Леви развернул турель пулемета, и в ту сторону понеслись огненные трассы. Луч словно переломился и погас.

– Молодец, Ахто, уверенно работает, – бормотнул Галич и, переложил руль.

Катер стал совершать крутую циркуляцию.

Сбросив перед открывшимся выходом скорость и врубив носовой прожектор, старшина на малом ходу вошел в расщелину и чуть прибавил оборотов. Вдоль бортов поплыли ледяные стены, потом впереди замаячило светлое пятно и «шнельботтен» выскользнул наружу.

Снова взревели все три дизеля, нос катера приподнялся, и он начал быстро удаляться от берега.

Небо стало проясняться, на нем заблестели звезды.

Неожиданно справа по курсу взметнулись три высоких всплеска, и Ванин с Галичем оглянулись.

– Твою мать, – побледнел старшина. – Эсминец!

– Да, ходко шпарит! – вглядываясь в показавшийся вдали корабль, – нахмурился Ванин. – Как мыслишь, догонит?!

– Еще бы! – стал бросать катер из стороны в сторону Галич. – У него скорость хода выше, да и дальность плавания будь здоров!

И тут впереди забрезжила надежда. Милях в трех слева, в клубящемся тумане возник абрис* айсберга. Громадного и с двумя вершинами.

– Давай туда! – заорал старшине Ванин, – может успеем!

Катер прибавил оборотов и понесся к айсбергу.

Когда он уже входил в тень нависшего над водой льда, эсминец снова открыл огонь и «шнельботтен» скрылся в серии разрывов.

– Прицельно бьет, гад! – саданувшись головой о переборку, вытер со лба кровь, Ванин. – Что будем делать, старшина?!

– Шас, лейтенант, не дрейфь! – передернул реверс Галич, и, пятясь кормой, катер стал вползать под темные своды.

Вслед за этим рев моторов стих, и стало слышно, как в борт плещутся волны.

– Надо попытаться его утопить, – утирая рукавом катящийся с худого лица пот, – обернулся старшина к Ванину. – Иначе фрицы разнесут нас в щепки.

– Ты хочешь атаковать эсминец?

– А почему нет? Я ж катерник. Давай, зови Ахто.

Когда весь мокрый прибалт ввалился в рубку, ему быстро обрисовали ситуацию, и Леви снова помчался к пулемету.

То же было сообщено по переговорной трубе Хромову, и снизу глухо донеслось, – есть.

Потянулись тревожные минуты ожидания.

На седьмой в воздухе возник едва различимый вой турбин, потом он стал громче и в рваных клочьях тумана, возник силуэт эсминца.

Он шел параллельным курсом на расстоянии в пять кабельтовых и, судя, по всему, не видел цели.

– Ну, с богом, – прошептал Галич и толкнул вперед рукоятку реверса.

Взвыв моторами, катер вынесся из укрытия, и, вздыбившись на редан*, фурией понесся к эсминцу.

Орудийные башни корабля тут же развернулись в его сторону, с палуб застучали пулеметы, но было уже поздно.

Две, выпущенные «шнельботтенном» торпеды, мчались к его борту.

В следующий момент, когда катер уже отворачивал в сторону, его накрыл артиллерийский залп, а вслед за этим взорвались торпеды.

И последнее, что увидели глаза разорванного в клочья Ванина, был уходящий в пучину враг.

Они победили.

...Кольцо окружения вокруг Берлина сжималось.

Войска 1-го Украинского фронта, под командованием маршала Жукова, подходили к реке Хафель.

Им противостояла трехсоттысячная группировка армий «Центр» и «Висла», получившая приказ, стоять насмерть.

И к тому были все условия.

Оборона города была тщательно продумана и хорошо организована. В её основе лежала система шквального огня, опорных пунктов и узлов сопротивления. В столице было создано девять секторов обороны. И чем ближе к центру, тем она становилась плотнее.

Всего же в столице имелось более четырехсот железобетонных долговременных сооружений, выполненных в виде многоэтажных бункеров и дотов, оснащённых орудиями, огнеметами и пулеметами. Улицы перекрывались мощными баррикадами, а обороняющиеся имели неограниченный запасов боеприпасов, медикаментов, воды и продовольствия.

Кроме того, в черте города была развёрнута сеть радиолокационных постов наблюдения, и Берлин располагал сильной противовоздушной обороной, включавшей в себя авиацию и зенитную артиллерию.

20 апреля 1945 года в подземном бункере рейхсканцелярии собралась верхушка Третьего рейха. Здесь присутствовали – Геббельс, Гиммлер, Борман, Дениц и еще несколько высокопоставленных лиц.

Все они прибыли поздравить фюрера с очередным днем рождения.

Но о том, что это фарс и он его главный режиссер, знал только Гиммлер.

«Партайгеноссе»* должны были увидеть двойников Адольфа Гитлера и Евы Браун.

Первый имелся давно и настолько вошел в роль, выступая с трибун перед массами, в войсках и присутствуя на второстепенных встречах, что его принимало за настоящего, даже ближнее окружение.

А «Еву Браун» дальновидный Гиммлер, подобрав год назад, создав, таким образом, уникальную пару.

Причем каждый в ней, считал второго настоящим.

Выйдя в сопровождении «Евы» из своей комнаты, «Гитлер» коротко поприветствовал соратников и, шаркая ногами, начал их обход. Выслушивая поздравления, он вяло пожимал каждому руку и произносил в ответ несколько слов. Затем все перешли в личные апартаменты фюрера, в которых по этому поводу был накрыт стол.

Несколько позже они поднялись наверх, где в парке, у самого входа в бункер, были выстроены офицеры ставки, охрана и небольшой отряд «гитлерюгенда».

При появлении зябко кутающегося в шинель «отца нации», все вытянулись и, выбросив вверх руки, проорали нацистское приветствие.

Сопровождаемый гостями и кинохроникером, «фюрер» медленно прошелся вдоль короткого строя, апатично потрепав по щекам нескольких одетых в униформу подростков и, брызжа слюной, обратился к присутствующим с бессвязной речью. Суть ее, как всегда, сводилась к неизбежной победе Германии.

Выход «фюрера» к соратникам, его сомнамбулистический* вид и все, что зафиксировала кинокамера, тоже являлись частью прекрасно организованного и преследующего далекие цели, спектакля.

А закончился он пятого мая, когда обугленные тела «великого фюрера» и его «пассии» были обнаружены контрразведкой «СМЕРШ» в воронке неподалеку от бункера.

Позаботился Гиммлер и о себе. Спустя две недели «он» был задержан английским военным патрулем вблизи местечка Мойнштадт за Эльбой и благополучно отравился цианистым калием в лагере для военнопленных.

...По горной альпийской дороге, визжа колесами на поворотах, неслись два черных «хорьха» в сопровождении бронетранспортера.

Спустившись в окаймленную высокими пиками долину, с растущими на склонах буквыми лесами, они на секунду остановились перед перекрывающими дорогу двумя бронеколпаками, с торчащими из амбразур пулеметами, выскочивший из будки эсэсовец быстро вздернул вверх полосатый шлагбаум, и машины покатали дальше.

Миновав второй, также тщательно охранявшийся и сопрягавшийся с трехметровым колючим ограждением, кавалькада выехала на обширную бетонную площадку, с расположенными на ней несколькими пятнистыми ангарами и стоящими в центре тремя дисколетами.

Из первого автомобиля вышел фюрер, в сопровождении Евы Браун, а из второго Гиммлер с тремя охранниками.

– Хайль! – вытянулся перед ними полковник в экипировке люфтваффе*, и «отец нации» ответно поднял руку.

– Вы готовы, Людвиг? – блеснул очками Гиммлер.

– Да! – последовал ответ, и полковник шелкнул каблуками.

После этого вся группа проследовала к первому дисколету, и, очутившись под ним, поднялась вверх по трапу.

– А где остальные? – усевшись в предложенное ему высокое кресло, и подождав, пока его пристегнут ремнем, кивнул Гитлер в иллюминатор.

– Остальные семь кораблей, мой фюрер, – отправлены в «Агарту» накануне, – сказал Гиммлер. – В них лазерное оружие, партийная казна и имперские документы.

– И через сколько наши специалисты смогут его собрать и установить на дисколеты?

– Им необходимо два месяца, экселенц. Всего два.

– Свины! – внезапно взорвался Гитлер и замолотил кулаком по подлокотнику. – Они лишили меня победы!!

Кого имел в виду фюрер, окружающие не поняли и благоразумно промолчали.

– Взлетайте, – успокоившись, буркнул рейхсканцлер. – Нас ждут великие дела!

Вслед за этим нижний люк бесшумно закрылся, в салоне раздался тонкий свист, и, спустя минуту, далеко внизу поплыли горные вершины.

Рейха, который умирал.

В крови и агонии.

Часть 2. Па-де-де*

Глава 1. Невыполненный приказ Сталина

В один из сентябрьских дней 45-го, у высокого окна главного кремлевского кабинета стоял пожилой усатый человек и задумчиво смотрел на площадь.

На нем был маршальский китель со звездой Героя, широкие, с лампасами брюки и мягкие шевровые ботинки.

Звали человека Иосиф Сталин, он был великий вождь и думал о дальнейшем обустройстве мира.

Длившаяся четыре года война закончилась Великой победой, в Европе строился социализм, но бывшие союзники становились опасными.

Первым звонком была проведенная в августе, ядерная бомбардировка США японских городов Хиросимы и Нагасаки, что выглядело явной демонстрацией силы.

Противопоставить этому было нечего, что тревожило.

В дальнем конце кабинета бесшумно приоткрылась дверь, и по ковру мягко прошел помощник.

– К Вам Абакумов, товарищ Сталин, – произнес он бесцветным голосом.

– Абакумов? – неспешно обернулся вождь, и, выдержав паузу, кивнул, – пусть войдет.

Помощник исчез и в кабинете появился рослый генерал – полковник.

– Здравия желаю, – товарищ Сталин, – произнес он, вытянувшись у двери с зажатой в руке черной папкой.

– И вам не хворать, Виктор Семенович, – последовал ответ. – Проходите.

Вслед за этим хозяин кабинета размеренно пошагал к стоящему под портретом Ленина широкому рабочему столу, и, усевшись в кресло, сделал жест рукой, – присаживайтесь.

Генерал сел на стоящий у приставного стола стул и аккуратно положил перед собой папку.

– Что-то заслуживающее внимание? – взглянул на нее «отец народов». – Докладывайте, я слушаю.

Назначенный в 1943 году по личному указанию Верховного* начальником Главного управления контрразведки «СМЕРШ», Абакумов отлично проявил себя как руководитель, и его ведомство переиграло «Абвер»*. К тому же Виктор Семенович не гнушался и черновой работы, достойно показав себя на Кавказе при ликвидации немецких резидентур и депортации чеченцев, и вождь имел на него виды.

– Как вам известно, товарищ Сталин, – начал хорошо поставленным голосом Абакумов, – на острове Рюген и в Свинемюнде, нам удалось получить доказательства работы немецких ученых над принципиально новым видом оружия и захватить его некоторые узлы и компоненты.

– Известно, – глубокомысленно кивнул Сталин и потянулся за лежащей на столе трубкой.

– А теперь мы имеем неоспоримые данные о том, что в Антарктиде находится хорошо законспирированная нацистская база, где оно, возможно, имеется, – сказал генерал и положил руку на папку.

– База говорите? – ломая извлекаемые из коробки с «Герцеговиной флор»* папиросы и набивая их табаком трубку, прищурился вождь, – продолжайте.

– В начале июня, в штаб – квартире ВМФ Германии в Берлине, сотрудниками контрразведки «СМЕРШ» семьдесят девятого стрелкового корпуса, были обнаружены секретные «Карты прохождения морских глубин», с грифом «Только для капитанов подводных лодок зондер – конвоя фюрера», а также инструкции к ним.

Их перевод и последующее изучение показали, что речь идет о некоей сверхсекретной базе «Агарт», находящейся в Антарктиде.

По данному факту я сразу же проинформировал наркома госбезопасности товарища Меркулова и получил от него указание провести тщательную проверку.

– Угу, – окутался дымом Сталин. – Дальше.

– Мы дешифровали карты и установили, что в них даны точные координаты входа в «Агарту» подо льдами, в зависимости от времен года и расположения Луны.

А помимо этого нашли место, где карты изготовлены.

Это концлагерь Дахау в семнадцати километрах от Мюнхена. Отпечатаны они в начале сорок четвертого заключенными в «зонденлаборатории», все исполнители уничтожены.

– Немецкая пунктуальность, – хмыкнул вождь. – Продолжайте.

– А вот это, товарищ Сталин, – извлек из папки Абакумов блокнот с имперским орлом и тиснением на обложке, – секретная тетрадь некоего полковника Вильгельма Вольфа. В ней конспекты приказов Верховного главнокомандующего Вооруженными силами Германии Адольфа Гитлера и Рейхсфюрера СС «О подборе среди военнослужащих Вермахта, Люфтваффе, военно-морских сил и войск СС кандидатов для отправки в Антарктиду».

Кроме того, здесь, – кивнул генерал на папку, – перевод стенограммы гросс – адмирала Деница на совещании высших чинов Рейха, где он сообщает о создании по приказу Гитлера, неприступной крепости на другом конце света, а также протоколы допросов нескольких высших офицеров кригсмарине о месте ее нахождения.

После этого в кабинете возникла долгая пауза.

– А почему об этом докладываете вы, Виктор Семенович, а не Меркулов? – ткнул чубуком трубки вперед маршал. – Информация стратегического характера. Не по рангу.

– Она чисто военного плана, товарищ Сталин. Мы посчитали, что так будет лучше.

– Вот как? – сказал вождь. – Интересно, – и потянулся к телефону.

– Здравствуйте Николай Герасимович, – приложил он к уху трубку.– Тут у меня сидит товарищ Абакумов с весьма важным сообщением. Вам необходимо встретиться и поговорить. А потом доложить мне. О принятом решении.

Кстати, Виктор Семенович, – опустил он трубку на рычаг, – а не поторопились мы объявить, что Гитлер мертв? Как вы считаете?

Этот вопрос давно мучил генерала, и он внутренне содрогнулся. Потом выдержал пристальный взгляд и ответил, – Гитлер мертв.

Сталин не прощал ошибок.

Встреча чекиста и наркома состоялась в этот же день в Главном морском штабе.

Адмирал флота Николай Герасимович Кузнецов был одним из немногих, к которым давно благоволил Хозяин.

И к тому были причины.

С началом войны флот оказался единственным боеготовым видом Вооруженных сил, оказавшим врагу достойное сопротивление. Он отлично проявил себя в боях и десантных операциях, а в Заполярье немецкие части так и не смогли достичь стратегического превосходства.

На следующее утро оба были в кабинете Сталина.

– Мы можем провести разведывательную операцию, – сказал нарком.– А в случае обнаружения базы, захватить ее или вызвать подкрепление.

– Именно, – поддержал его Абакумов. – Я полностью согласен.

– Какими силами? – поинтересовался, расхаживая по кабинету, вождь.– Сколько вам потребуется кораблей?

– Три подводных лодки, с командами, имеющими опыт арктических плаваний, – ответил Кузнецов. – А также океанская плавбаза с необходимым запасом топлива, воды и продовольствия.

– И когда они могут выйти?

– Через пару недель, чтобы к декабрю достичь Антарктиды. Там в это время лето и благоприятная ледовая обстановка.

– Хорошо, – сказал, остановившись, Сталин. – Займитесь этим лично, и держите меня в курсе. Я жду результатов.

Вечером Кузнецов с Абакумовым вылетели на самолете в Ленинград, и там приступили к подготовке операции.

Для начала нарком связался с командующим Северным флотом адмиралом Головкин и потребовал срочно откомандировать в Кронштадт три опытных экипажа подводных крейсеров, а затем пригласил к себе адмирала Трибуца* и отдал ему распоряжение подготовить к длительному плаванию все необходимое.

Кораблями для необычного похода избрали крейсерские субмарины серии «К»*.

По своим тактико-техническим характеристикам они находились на уровне последних достижений мирового кораблестроения, а по ряду показателей, в том числе по скорости и вооружению, превосходили иностранные образцы. Надводное водоизмещение «Катюш»* составляло 1720 тонн, корпус имел длину в сто метров, и, несмотря на столь солидные размеры, лодки хорошо управлялись в подводном положении.

Два мощных дизеля позволяли им развивать скорость надводного хода до 23 узлов, и помимо этого на кораблях имелся третий, для зарядки аккумуляторных батарей и малого хода. Дальность их плавания составляла 15 тысяч миль, а автономность достигала 50 суток.

Главным оружием субмарин были десять торпедных аппаратов с общим запасом торпед в 24 единицы, артиллерийское вооружение состояло из двух 45-мм полуавтоматов и двух модернизированных 100-мм орудий с боезапасом в 400 выстрелов.

Следует упомянуть и о некоторых других элементах их оборудования. Так, на лодках было по два перископа большой светосилы, приспособленных, в частности, и для фотосъемок.

Коротковолновые радиостанции подводных крейсеров обеспечивали устойчивую двустороннюю радиосвязь даже на самых дальних дистанциях.

В качестве же плавбазы для них, был занаряжен трофейный ледокольный пароход, водоизмещением в 4700 тонн, с запасом топлива, воды и провианта.

После прибытия в Кронштадт, экипажи сразу же занялись предподходовой подготовкой, а командиров вызвали в штаб ЛенВМБ*.

– Капитан 2 ранга Прибытков, капитаны 3 ранга Иванов и Катченко, – представил их Трибуц Кузнецову с Абакумовым.

– Присаживайтесь товарищи, – сказал нарком. – Ставлю перед вами боевую задачу.

И далее, подробно, был изложен весь план операции.

– Надеюсь все понятно? – сказал Абакумов, обращаясь к командирам, когда адмирал закончил. – Операция особой важности, стоит на контроле, и с вами пойдут мои сотрудники.

– Ясно, товарищ генерал-полковник, – ответил старший из командиров. – Не в первый раз.

Далее со всеми был проведен подробный инструктаж и Абакумов вручил подводникам три дешифрованные карты немецких лоций*.

– Прошу их тщательно изучить, – сказал в завершение нарком. – Пока можете быть свободны.

В этот же день, в «Большой дом»* на Литейном, Абакумов вызвал трех военных контрразведчиков, которым предстояло участвовать в операции.

Фамилии их были Полуянов, Кирмель и Батраков.

Все трое были из морских подразделений «СМЕРШа», владели немецким языком и имели необходимый опыт диверсионной деятельности.

– Ваша задача обеспечение скрытности плавания, – обратился к подчиненным генерал. – А в случае обнаружения базы, с учетом наличных сил, принятие решения о ее захвате и руководство им, или же вызов подкрепления. При достижении успеха, выход на связь для получения дальнейших указаний. Вопросы?

– Кто будет старшим на походе, товарищ генерал? – встав со своего места, поинтересовался один из офицеров.

– Ответственными за операцию, мною и наркомом назначены командир «К- 25» капитан 3 ранга Иванов и капитан-лейтенант Батраков, – последовал ответ. – Еще?

Больше вопросов не поступило.

...На пятнадцатые сутки, ночью, подводные лодки в сопровождении ледокола, вышли из гавани Кронштадта и взяли курс в открытое море. Им предстояло пройти тот же путь, который в свое время на шлюпах «Мирный» и «Восток» прошли Лазарев с Беллинсгаузеном, открыв неведомую Антарктиду.

Благополучно обогнув побережье Европы, которая пожинала плоды мира и по ночам светилась маревом огней, корабли вышли в Атлантический океан и здесь разделились.

Пароход увеличил ход и ушел вперед к точке рандеву* у острова Буве, расположенному в тысяча шестистах километрах от Антарктиды, а подводные лодки, двигаясь в светлое время суток под шахтами РДП*, скрытно последовали вслед за ним.

Пустынная в годы войны Атлантики ожила снова.

Иногда на горизонте возникали дымы идущих в свои порты танкеров и сухогрузов, а однажды, в мерцании звезд, прямо по курсу, пронесся американский круизный лайнер, оглашая все кругом взрывами петард и громкой музыкой.

– Веселятся янки, разжирели на войне, – стоя на темном мостике и глядя на него в бинокль, процедил командир «двадцать пятой».

– Да, кому война, а кому мать родна, – сказал стоящий рядом Батраков, и сплюнул за борт.

Потом он спустился вниз, и, миновав центральный пост с вахтой, прошел в одну из кают, которую делил с помощником командира.

Вначале отношения у офицеров не сложились, Львов, так звали капитан-лейтенанта как-то нелюбезно отозвался о ведомстве Батракова, на что тот ответил резкостью, но после одного случая все изменилось.

Произошло все это в Северном море, в сильном тумане, после шторма.

Львов находился в рубке, отправляя обязанности вахтенного офицера, когда раздался крик сигнальщика, – мина! и впереди по курсу в волнах заплясал черный шар.

– Право пять, сбросить обороты! – нагнулся к переговорной трубе помощник, лодка стала отворачивать, но мину подтянуло к борту.

– Кранты, – прошептал бледный рулевой. – Щас взлетим в воздух.

В тот же момент с заднего обвода рубки кто-то сиганул в воду, спустя секунды рядом с миной появилась голова, и, человек, отплевываясь, вцепился в гальванические ударники.

Затем вместе с рогатой смертью он заскользил вдоль борта, а когда оказался в кильватерной струе, отпустил руки.

– Ну, ты даешь, каплей, – сказал Львов, когда выскочившая наверх швартовая команда выловила Батракова из воды.

– З-замерз, – просипел тот, и его стали спускать вниз.

С этого момента помощник стал трепетно относиться к соседу и, сменившись с вахты, ночью распил с ним бутылку спирта. В знак дружбы.

А еще рассказал историю, почему не любит НКВД, нелюбезную.

– Служил я тогда на Балтике, – начал он, – а точнее в Кронштадте, на одной из подводных лодок минером*.

Шла зима 1942-го и Ленинград был в блокаде. Летняя кампания для наших лодок прошла неудачно. Многие подорвались на минах, пытаясь прорваться из Финского залива в море, а из тех, кому это удалось, с боевого дежурства вернулись единицы. Настроение было хреновое. Залив замерз, немцы постоянно бомбили Питер и Кронштадт, наши береговая и корабельная артиллерия непрерывно отражали их атаки.

А мы «припухали» на берегу. Точнее на лодках. Они вмерзли в лед, который приходилось окалывать, занимались «проворотом» оружия и механизмов и несли якорную вахту. Электропитания с берега практически не было – только для наиболее важных корабельных систем жизнеобеспечения, так что в отсеках «Щук», «Эсок» и «Малюток» стоял собачий холод. Надевали поверх роб ватные штаны и телогрейки. В них и спали. Утром проснешься – на переборках иней, а волосы, если шапка свалилась, к подушке примерзли. Так и жили. Ждали весны и чистой воды.

Зато кормили хорошо. У меня в торпедном отсеке стояли несколько бочек с селедкой и квашеной капустой. В провизионке хранились картошка, солонина, крупа и черные сухари в крафт-мешках. Практически каждый день в обед выдавали спирт и что-нибудь горячее, чтоб окончательно не померзли. И это при всем том, что Питере свирепствовал голод. Съели всех птиц, кошек и собак. Ходили слухи, что даже людей ели.

Увольнений в город не было. Война, какие уж тут увольнения. Но изредка, небольшими партиями на несколько часов в Ленинград отпускали офицеров, старшин и матросов, у которых там были родители или жены с детьми. Таких в бригаде было немало.

Естественно, что ко времени «отпуска» ребята старались подкопить каких-нибудь харчей, чтоб подкормить своих близких. А было с этим делом строго. Сам свою флотскую пайку ешь, тебе ее нарком Оборона положил, а отщипнуть от нее для других не смей – вплоть до трибунала. На этот счет политрабтники с нами даже специальные беседы проводили.

Но жизнь, есть жизнь. Продукты ребята все равно потихоньку копили, «шхерили»* и, когда случалась оказия, передавали в Питер родным.

Был у меня в команде торпедист старшина 2 статьи Саня Александров. Коренной ленинградец. Служил по третьему году, и имел в Питере мать – учительницу и сестер – двойняшек. Отец их погиб в Бресте в первые дни войны. Семья бедствовала и при любом случае, Саня всякими правдами и неправдами старался навестить родных. И, естественно, подкинуть им что-либо из харчей. А что может быть у старшины – срочника?

Только свой паек* – ну, там, сахар, сухари, табак. Вот это он и переправлял в Ленинград. И мы понемногу помогали, чем могли. Я, к примеру, не курил и отдавал Сашке свой табак. Сменять на барахолке – тот же хлеб.

Однажды наш помощник, прихватив с собой боцмана и Александрова, отправился в Питер, по служебной надобности. Ну и Санька свой «сидор» набил сэкономленными сухарями, табаком и сахаром.

Сухари эти были особенные. Из ржаной муки, размером с добрую ладонь, темно-коричневого цвета и каменной твердости. Разгрызть их было невозможно. В обед мы разбивали их молотком, сыпали в суп и тогда только ели. Зато качество у них было отменное. Душистые и очень вкусные.

Вечером из города вернулись только помощник с мичманом и доложили командиру, что Александрова забрал патруль. Причем не наш, флотский, а комендантский, с петлицами НКВД.

Оказывается, по дороге Сашка отпросился забежать на минутку к матери, которая жила в доме на площади Труда и прямо на площади его «замели». Никакие доводы о том, что команда находится в служебной командировке и предъявление помощником соответствующего предписания, не помогли. А когда рьяные патрульные обнаружили в мешке старшины продукты, его сразу же взяли под стражу и увели.

Командир обозвал помощника мудаком и, прихватив с собою замполита, отправился в штаб бригады. Оттуда вернулся обозленный и посадил того на «губу».

Оказывается в штаб уже позвонили из комендатуры и сообщили о задержании Александрова с казенными продуктами. Это было «ЧП», которое по военному времени каралось трибуналом.

Так оно и случилось. Через неделю, худого и наголо остриженного Александрова судили в клубе бригады. За кражу продуктов определили пять лет лагерей, которые здесь же заменили несколькими месяцами штрафбата.

После этого случая, отпуска в Ленинград практически отменили, а если кто и ехал, то «шмонали», что б ни дай Бог в карманах не оказалось продуктов.

А Сашка достойно воевал пулеметчиком на Карельском перешейке. Туда списывались многие ребята с боевых кораблей, и матросская почта принесла от него весточку.

Такая вот история, – закончив, взглянул на Батракова Львов. – Что скажешь?

– Хреновая история, – нахмурился тот. Он знал и похуже.

...На подходе к архипелагу Тристан-де Кунья*, с шедшей на левом фланге лодки Катченко было получено радио, об обнаружении у побережья неизвестного транспорта.

Поскольку архипелаг значился в лочиях необитаемым, а нахождение в этих водах судна наводило на определенные мысли, Иванов с Батраковым приняли решение подойти ближе.

– Немецкий балкер* – сказал капитан 3 ранга, глядя в командирский перископ. – Дедвейт* примерно тридцать тысяч тонн. Ну что, осмотрим его, Владимир Иванович?

– Обязательно, – ответил Батраков, наблюдая судно в артиллерийский. – Я высажусь на него со смотровой командой.

Радировав остальным двум лодкам «наблюдать за акваторией», Иванов приказал всплывать.

Спустя десять минут от борта «К-25» отвалила резиновая шлюпка с контрразведчиком и пятью вооруженными подводниками, в воздухе замелькали короткие весла.

– Табань*, – тихо приказал Батраков, когда, пройдя два кабельтова*, она оказалась под высоким, покрытым ржавыми потеками бортом. – Приготовить оружие.

Подняться наверх не представлялось возможным, и он махнул зажатым в руке «ТТ», – идем в сторону кормы.

Решение оказалось верным, полузатопленная задняя часть судна низко сидела в воде и все поочередно, быстро вскарабкались наверх.

– Осмотреть трюмы, – бросил капитан-лейтенант рослому старшине, а сам, прихватив с собой боцмана, шагнул в открытую дверь надстройки.

Изнутри дохнуло ледяным холодом, на переборках и палубе густо нарос иней.

– Да, судя по всему, никого, – включив фонарик, осветил мрачное помещение контрразведчик. Оно было низким, с уходящим в темноту коридором и ведущим наверх трапом.

– Проверь здесь, – сказал Батраков напарнику и взялся за скользкий поручень.

Наверху была рубка, с выбитыми иллюминаторами, тумбой стоящего в центре гирокомпаса и судовыми приборами управления.

– Точно немец, – прочел офицер несколько надписей на табличках под ними.

Потом он обратил внимание на клочок бумажной ленты на пульте, и взял его в руки.

Это был обрывок шифрограммы, с несколькими колонками цифр, завершающийся «11. 12. 44».

– Интересно, – пробормотал Батраков и сунул ее в карман канадки.

В следующую секунду внизу прогремела автоматная очередь, и он кубарем скатился с трапа.

У темного проема, в конце коридора, опустив вниз дымящийся ствол ППШ, стоял боцман и виртуозно матерился.

Сзади Батракова загрохотали каблучки, и в помещение вломились несколько матросов, держа оружие наизготовку

– В чем дело, Орлов? – шагнул к стрелявшему контрразведчик.

– Да вот, ухлопал сам себя, – ткнул пальцем внутрь мичман.

Там, в неверном, льющемся из засоленного иллюминатора свете, на переборке висели остатки привинченного к ней зеркала, а внизу валялись его осколки.

– Бывает, – сказал усатый старшина. – А в носовом трюме, товарищ капитан – лейтенант, трупы. По виду лагерники. И еще вот это, – раскрыл заскорузлую ладонь.

На ней, каплей крови, рубиново отсвечивала звездочка.

– Пойдем, я взгляну, – сунул пистолет в кобуру Батраков, и, выйдя из надстройки, все направились к одному из грузовых люков, с торчащей над ним кран-балкой.

Затем, оставив наверху троих, остальные спустились в гулкий корпус и, включили захваченные с собой фонарики.

Судя по тому, что два кормовых трюма были затоплены, судно потерпело аварию.

– Не иначе в шторм потеряло ход, и его выбросило на камни, – сказал мичман, показывая на разошедшийся в одном месте, стальной лист обшивки.

– Резонно, – ответил контрразведчик, – а что там за доски?

В воде плавал какой-то щит, и моряки подтащили его ближе.

– «Рейнметалл» – прочел на нем черную надпись Батраков. То была марка оружейного концерна.

Далее вся группа проследовала в сторону носа и остановилась перед открытой металлической дверью с наружной кремальерой*.

Поочередно переступив высокий комингс*, моряки оказались в затхлом громадном помещении, с тянущимися по бортам высокими рядами деревянных нар, на отдельных из которых виднелись тела в полосатых робах.

– Скорее всего, они умерли от истощения, – констатировал старшина, указывая на ближайшего.

Труп был предельно худ, с провалившимися щеками и заострившимся носом.

– А вот этот точно из флотских, – наклонившись над вторым, – сказал один из матросов. – Смотрите.

На свесившейся с нар костлявой руке, на запястье синела едва различимая накладка - якорек, и внизу надпись «Север».

– Вот гады, уморили ребят, – сказал кто-то, и все сняли шапки.

Потом Батраков приказал пересчитать тела – их было двадцать девять, и все в полном молчании направились назад, в сторону люка.

На обратном пути один из матросов споткнулся, и, чертыхнувшись, что-то поднял с палубы.

– Взгляните, товарищ капитан-лейтенант, – сказал он в следующую секунду и протянул находку офицеру.

Это был довольно крупный, призматической формы кристалл, холодно поблескивающий на гранях.

– Вольфрамит*, – взвесил его в руке контрразведчик. – Применяется для производства брони и высоколегированных сталей.

– Да, проклятая это коробка, – переглянулись подводники, и группа направилась к трапу.

Когда все поднялись наверх, Батраков приказал боцману дать семафор на лодку, и, вскоре, тихо постукивая дизелями, «К-25» пришвартовалась у борта.

После того, как Батраков сообщил Иванову о результатах осмотра, они пришли к выводу, что немецкий транспорт оказался здесь не случайно, плыл он, скорее всего в «Агарту», и было это зимой прошлого года.

– А вот груз они на что-то перегрузили, и, судя по всему, это было оружие, – уверенно заявил контрразведчик.

– Скорее всего, – согласился Иванов, – а что ты думаешь насчет вольфрамита?

– Наверное, транспорт перевозил и его. Вопрос в том, куда и откуда.

Далее посоветовались и решили предать земле тела умерших, а предварительно обследовали побережье.

Как и ожидалось, оно было пустым и диким.

О скалистый берег шуршал прибой, далее следовала холмистая возвышенность, а за ней туманились горные отроги.

Оставив одну лодку на позиции, капитан 3 ранга приказал части свободных от вахты поднять из трюма все тела, а второй выкопать на ближайшем склоне братскую могилу.

Перед этим умерших обыскали, в надежде найти какие-либо документы или что-либо идентифицирующее их личность и не ошиблись.

У одного, заросшего многодневной седой щетиной, в пришитом изнутри кармане обнаружили затертую фотографию женщины и ребенка, с надписью на обороте «Белгород, 1940 год», а у рослого высохшего парня, на шее, солдатский медальон, с вложенной внутри бумажкой, из которой следовало, что он красноармеец Сергей Горин, 1925 года рождения из деревни Молодой Туд Калининской области.

– Наши, славяне, – передавая Батракову находки, сказали матросы.

Потом завернутые в брезент тела аккуратно опустили в могилу, которую засыпали и водрузили сверху большой валун, после чего дали вверх залп из автоматов.

– Все на корабль, – после минутного молчания сказал Иванов, и, нахлобучив на голову шапку с позеленевшим «крабом», первым направился в сторону лодки.

На широте 55 градусов 19 минут, встретили первые айсберги.

Длинной чередой, возникая один за другим, они плыли на север.

– Впечатляют, облокотившись об обвод рубки, – сказал Батраков, обращаясь ко Львову. – Словно из картины Айвазовского.

За время похода они еще больше сдружились, и теперь, когда помощник стоял на вахте, часто беседовали о жизни.

– А представляешь, Володя, мечтательно прищурил глаза Львов, – еще сто лет назад, здесь прошли корабли Лазарева и Беллинсгаузена.

– Смутно, – пожал плечами контрразведчик. – Я же не профессиональный моряк.

– Ну, тогда послушай, для общего развития не помешает, – по – доброму улыбнулся помощник.

– Окончательное и достоверное открытие Антарктиды датируется 1820 годом. Раньше люди лишь предполагали, что она существует. Самые первые догадки возникли у участников португальской экспедиции в 1502 году, в которой принял участие флорентийский путешественник Америго Веспуччи (его имя благодаря причудливому стечению обстоятельств, впоследствии было увековечено в названии огромных материков).

Но экспедиция не смогла продвинуться дальше острова Южная Георгия, лежащего довольно далеко от антарктического континента. «Холод был так силен, что никто из нашей флотилии не мог переносить его», – свидетельствовал Веспуччи.

Дальше других проник в антарктические воды Джеймс Кук, развенчавший миф о гигантской Неведомой Южной Земле. Но и он вынужден был ограничиться лишь предположением: «Я не стану отрицать, что близ полюса может находиться континент или значительная земля. Напротив, я убежден, что такая земля есть, и возможно, что мы видели часть ее. Великие холода, огромное число ледяных островов и плавающих льдов – все это доказывает, что земля на юге должна быть...», – на память процитировал Львов.

– Он даже написал специальный трактат «Доводы в пользу существования земли близ Южного полюса», – значительно поднял вверх палей капитан-лейтенант.

– Тем не менее, – продолжил он, – честь открыть шестой континент, выпала русским мореплавателям. Два имени навсегда вписаны в историю географических открытий: Фаддей Фаддеевич Беллинсгаузен и Михаил Петрович Лазарев.

Беллинсгаузен родился в 1778 году на острове Саарема, что в Эстонии, получил блестящее образование в Морском кадетском корпусе и после его окончания, принял участие в первом русском кругосветном плавании на корабле «Надежда» под командованием Ивана Крузенштерна.

Лазарев был на десять лет его моложе и был блестящим морским офицером.

Судьба свела мореплавателей в 1819 году. Морское министерство запланировало экспедицию в высокие широты Южного полушария.

Двум хорошо оборудованным кораблям предстояло совершить нелегкое путешествие. Одним из них, шлюпом «Восток», командовал Беллинсгаузен, другим, носившим имя «Мирный», – Лазарев.

Летом 1819 года экспедиция отправилась в плавание.

Цель ее формулировалась кратко: открытия «в возможной близости Антарктического полюса». Мореплавателям предписывалось исследовать Южную Георгию и Землю Сандвича

(ныне Южные Сандвичевы острова, открытые некогда Куком) и «продолжать свои изыскания до отдаленной широты, какой только можно достигнуть», употребляя «всевозможное старание и величайшее усилие для достижения сколь можно ближе к полюсу, отыскивая неизвестные земли».

Инструкция была написана «высоким штилем», но никто не знал, как ее удастся реализовать на деле.

Однако удача сопутствовала «Востоку» и «Мирному». Был подробно описан остров Южная Георгия; установлено, что Земля Сандвича – не один остров, а целый архипелаг, и самый большой остров архипелага Беллинсгаузен назвал островом Кука. Первые предписания инструкции оказались выполнены.

Ну, как, не скучно излагаю? – на минуту прервав свой рассказ, приказал помощник увеличить обороты.

– Наоборот, интересно, – сказал Батраков, и они закурили. – А откуда ты это все знаешь?

– В училище нам прочли несколько лекций о русских географических открытиях, – глубоко затянулся папиросой Львов. – А у меня отличная память.

Итак, в начале 1820 года, – продолжил он, – корабли пересекли Южный полярный круг и на следующий день подошли вплотную к ледяному барьеру Антарктического материка.

Только более чем через сотню лет, эти места снова посетили норвежские исследователи Антарктиды: они назвали их Берегом Принцессы Марты.

28 января Беллинсгаузен записал в своем дневнике: «Продолжая путь на юг, в полдень в широте 69°21'28", долготе 2°14'50" мы встретили льды, которые представлялись нам сквозь шедший снег в виде белых облаков». Пройдя еще две мили на юго-восток, экспедиция оказалась в «сплошных льдах»; вокруг простиралось «ледяное поле, усеянное буграми».

Корабль Лазарева находился в условиях гораздо лучшей видимости. Капитан наблюдал «матерый (т. е. очень мощный, сплошной) лед чрезвычайной высоты», и «простирался оный так далеко, как могло только достигнуть зрение». Этот лед и был частью ледяного щита Антарктиды.

Таким образом, этот день вошел в историю как дата открытия Антарктического материка. Еще два раза (2 и 17 февраля) «Восток» и «Мирный» близко подходили к берегам Антарктиды. Инструкция Морского штаба предписывала «отыскивать неизвестные земли», но даже самые решительные из ее составителей не могли предвидеть столь поразительного ее выполнения.

В Южном полушарии приближалась зима. Сместившись к северу, корабли экспедиции бороздили воды Тихого океана в тропических и умеренных широтах.

Прошел еще год, и «Восток» с «Мирным» снова направились к Антарктиде.

Трижды пересекали они Южный полярный круг, и 22 января 1821 года глазам путешественников предстал неизвестный остров.

Беллинсгаузен назвал его именем Петра I – «высоким именем виновника существования в Российской империи военного флота».

А 28 января, (ровно год минул со дня исторического события), в безоблачную солнечную погоду, экипажи кораблей наблюдали гористый берег, простиравшийся к югу за пределы видимости.

На географических картах впервые появилась Земля Александра I. Теперь уже не осталось никаких сомнений: Антарктида – не просто гигантский ледяной массив, не «материк льда», как называл его в своем отчете Беллинсгаузен, а настоящий «земной» материк.

Впрочем, – швырнул окуроч в воду Львов, – сам он ни разу не говорил об открытии материка. И дело тут не в чувстве ложной скромности: капитан понимал, что делать окончательные выводы можно, лишь «переступив за борт корабля», проведя исследования на берегу. Однако ни о размерах, ни об очертаниях континента Беллинсгаузен не мог составить даже приблизительного представления. На это потребовались многие десятилетия.

Далее, завершая свою «одиссею», экспедиция подробно обследовала Южные Шетлендские острова, о которых прежде было известно лишь то, что англичанин Смит наблюдал их в 1818 году. Острова тоже были описаны и нанесены на карту.

Многие спутники Беллинсгаузена участвовали в Отечественной войне 1812 года. Поэтому в память об ее сражениях отдельные острова получили соответствующие названия: Бородино, Малоярославец, Смоленск, Березина, Лейпциг, Ватерлоо.

Однако впоследствии они были переименованы английскими мореплавателями, что представляется несправедливым.

Плавание русских кораблей продолжалось 751 сутки, и протяженность его составила почти 100 тысяч километров (столько получится, если два с половиной раза обогнуть Землю по экватору). Двадцать девять новых островов были нанесены на карту.

Так началась летопись изучения и освоения Антарктиды, в которую вписаны имена исследователей из многих стран, – закончил Львов. – Такой вот исторический ракурс.

– М-да, – с интересом взглянул на помощника Батраков. – Тебя бы в нашу контору, с такой памятью.

– Лучше вы к нам, – последовал ответ, и оба рассмеялись.

На исходе второго месяца, следуя, как правило, в позиционном положении, лодки подошли к острову Буве и дали радио.

Ледокол не замедлил ответить, и, спустя пару часов, корабли встретились в заранее оговоренной точке.

Окрашенный в шаровый цвет пароход стоял на якоре у высокого ледяного берега и был едва различим со стороны океана.

Когда же командиры субмарин с Батраковым, навестили на борту капитана, тот сообщил, что его радисты дважды перехватывали чьи-то радиogramмы.

– Зашифрованные и со стороны зюйда*, – сказал он. – С затуханием сигнала.

– Ну что же, все к одному, – переглянулся Иванов с контрразведчиком, после чего был разработан дальнейший план действий.

Согласно ему, после дозаправки топливом, лодки отправлялись к Земле Королевы Мод, а ледокол оставался на месте. В целях безопасности.

– А дальше действуем по обстоятельствам, – окинул всех взглядом капитан 3 ранга. – Чувствую, нора близко.

С этого дня шли только под водой, тщательно прослушивая горизонт.

И это дало результаты.

На четвертые сутки, ранним утром, гидроакустик «К-25» доложил, что слышит впереди по курсу шум винтов. И классифицировал цель – надводная, предположительно эсминец.

На лодке тут же сыграли боевую тревогу, и Иванов отщелкнул рукоятки перископа.

Вкрадчиво зажужжал подъемник, и он прильнул к пористой резине.

– Точно, – сказал спустя несколько минут. – Немецкий эсминец класса «Леберехт Маасс», идет на пересечение с нами.

Ну что, Владимир Иванович, атакуем? – на секунду оторвался Иванов от окуляра. – Он может нас обнаружить, а это чревато.

– Согласен, – кивнул Батраков. – Валяйте.

Вслед за этим прозвучала серия команд, Иванов щелкнул кнопкой кинокамеры, и лодка стала выходить в атаку.

На седьмой минуте командир рявкнул, – «пли!», корпус субмарины дважды вздрогнул, и торпеды унеслись к цели.

Потом где-то далеко глухо прогремел взрыв, а через секунду второй, от которого закачалась палуба

– Не иначе попали в артиллерийский погреб, – цепко держась за рукоятки, хмыкнул капитан 3 ранга. – На – ка, взгляни, – и отстранился от перископа.

То, что Батраков увидел в оптику, напоминало ад.

Разорванный пополам корабль, молотя винтами в воздухе, быстро уходил под воду, с неба вниз рушились огненные осколки, а кругом разливалось горящее море нефти, с барахтающимися в ней людьми.

– Лейтенант, – запиши координаты, – бросил Иванов штурману и приказал погружаться на глубину сорок метров – безопасную от таранного удара.

В обед, по случаю очередной победы (их у экипажа на Севере было пять), командир приказал выдать всем по сто граммов спирта, что было воспринято как должное.

А еще через пять суток, идущие завесой субмарины подошли к Земле Королевы Мод и последовали дальше по секретным лоциям.

Море Лазарева встретило их низкой облачностью и битым льдом, что грозило повреждением перископов, в связи с чем, пришлось всплыть в надводное положение.

– «Усилить верхнюю вахту», – дал Иванов семафор на другие лодки и получил ответ, – «исполнено».

Затем погода улучшилась, в небе засияло солнце, и справа по борту возникла цепь заснеженных пиков. Она перемежалась с массивами пакового льда, над которыми вдали дрожало марево.

– Не иначе подходим, – скинул Иванов бинокль к глазам, и Батраков сделал то же самое. А потом случилось непонятное.

Из марева родились три диска, и неподвижно повисли в воздухе.

– Что за черт, – прошептал капитан 3 ранга и в следующий миг заорал, – ныряем!

Но было поздно. Диски почти мгновенно переместились к кораблям, на головном что-то блеснуло, и шедшая на левом фланге лодка Прибыткова взлетела на воздух.

Через долю секунды блеск повторился на втором, и, рушась в люк последним, командир с ужасом увидел, как под воду уходит разрезанная пополам субмарина Катченко.

– Одерживай! – пулей пролетев вертикальную шахту, свалился Иванов на копошащиеся под ним тела, но лодка, продолжала стремительно погружаться.

Когда стрелка глубиномера задрожала на стометровой, с красной чертой отметке, и из – под заклепок стала сочиться вода, по корпусу что-то проскрежетало, и гибельное падение прекратилось.

– Осмотреться в отсеках, – смахнув со лба холодный пот, прохрипел капитан 3 ранга.

Спустя минуту, с боевых постов последовали доклады и выяснилось, что в корме, в районе 34 шпангоута пробоина.

– Заделать, – бросил командир. – С дачей противодавления.

– Есть, – кивнул головой механик, и один из старшин завертел вентиль ВВД*.

– Представляю, что там сейчас творится, – поднимая с палубы вахтенный журнал и логарифмическую линейку, обвел всех взглядом штурман.

– А ты не представляй, себе дороже, – пробурчал помощник, и все замолчали.

На исходе часа, из аварийного отсека доложили о завершении работ, и Иванов, в сопровождении механика с Батраковым, сразу же направились в корму.

– Отдраивай, – приказал командир, когда они остановились перед сферическим люком, с наглухо задраенной кремальерой, у которой стоял бледный старшина.

– Есть, – ответил тот, и, вытащив из маховика стопор, беззвучно провернул рукоятку.

В отсеке плавал туман, под ногами плескалась вода, и горело аварийное освещение.

– Так, что тут у вас? – первым шагнул внутрь Иванов.

– Пробоина в трюме, товарищ командир, – тяжело дыша, ответил коренастый мичман, утирая сочащуюся из ушей кровь. – Завели пластырь и установили упор.

– А это кто? – наклонился над лежащим в стороне телом механик.

– Ресин, – буркнул стоявший рядом матрос. – Нахлебался воды, отходит.

– Ну что же, благодарю за службу, – пожал всем руки Иванов. – Если бы не вы, все могло плохо кончиться. Иван Степанович, – обернулся к механику, – парней в лазарет, пусть доктор разотрет спиртом. А откачку воды организуй вручную, помпой. Давай, действуй.

Затем был объявлен режим тишины и акустик стал слушать море.

Оно безжизненно молчало.

... Так ты считаешь, это было какое-то новое оружие? – спросил чуть позже Иванов, когда, обойдя всю лодку и убедившись, что больше повреждений нет, они с Батраковым сидели у него в каюте.

– Безусловно, – ответил тот. – Возможно, это и есть, то, что Гитлер называл «оружием возмездия».

– М-да, – хмуро взглянул командир на подволок*, – здорово они нас. – Всего минута и двух крейсеров, как ни бывало. Жаль Катченко с Прибытковым и их команды. Всю войну прошли, а тут такое.

– Жаль, – сказал контрразведчик, – что будем делать дальше?

– Ночью всплывем и определимся с обстановкой. Скорее всего, придется отойти и вызвать подкрепление.

– И я такого же мнения. – Будем ждать ночи.

Потекли тягостные часы ожидания. Все основные механизмы на субмарине были выключены, лишние перемещения запрещены, корабль цепенел в холоде.

Когда фосфоризирующие стрелки часов в центральном посту показали начало первого, а температура в отсеках упала до пяти градусов, сидящий на разножке* в овчинном полушубке Иванов, дал команду приготовиться к всплытию.

– Есть первый!

– Есть второй!

– Есть...! – последовали доклады с боевых постов, и в трубопроводах зашипела гидравлика.

– Всплываем, – бросил он сидящему на рулях боцману, и тот протянул руки к манипуляторам.

Воздух высокого давления с шумом ворвался в балластные цистерны, лодка дрогнула, качнулась и... осталась на месте.

– Продуть среднюю! – окаменел лицом командир.

Снова рев воздуха, морозный туман и, словно нехотя, стрелка глубиномера покатила влево, вызвав вздох облегчения у всех, находившихся в центральном.

– Восемьдесят, шестьдесят, сорок..., – монотонно считал метры боцман.

На двадцати Иванов приказал, – «одерживай» и, встав с разножки, сделал шаг к перископу.

Поднятый вверх «топ»* отобразил пустынное море, купол неба над ним и висящий у горизонта серебристый диск.

– Караулит, сволочь, – прошептал командир, после чего лодка погрузилась на глубину и, двигаясь под электромоторами, направилась в сторону океана.

Весь остаток ночи шли не всплывая, а под утро, оставив за кормой полста миль, снова подняли перископ.

Неприветливо встретившая их земля, скрылась за горизонтом, небо клубилось тучами, из которых сеялся мелкий дождь.

– Приготовиться к зарядке аккумуляторов! – приказал капитан 3 ранга, после чего вверх ушла шахта РДП*, и в отсеках отдраили переборочные клинкеты. А спустя еще пять минут, в корпусе взревели дизеля и компрессора стали бить зарядку.

– Живем, – сказал механик и втянул носом запах перегоревшего соляра. Потом снова ушли на глубину и, впервые за сутки, кок выдал горячую пищу: борщ, макароны по – флотски и какао, что значительно улучшило настроение.

Следующей ночью опять всплыли, и Иванов приказал осмотреть надстройку.

В носу и корме было несколько вмятин, а на рубке срезало радиопередающие антенны.

– Сможете отремонтировать? – вызвал он на мостик командира БЧ-4*.

– Вряд ли, – облизав свое хозяйство вместе со старшиной команды, сокрушенно вздохнул тот. – У нас нет запасного оборудования.

– Теперь надежда только на связь ледокола, – сказал Батраков. – Хреново.

Однако, она не оправдалась. Когда подошли к месту стоянки ледокола, его там не оказалось. А у берега, на припае*, обнаружили спасательный круг и несколько вмерзших в лед трупов.

– Видно тарелки побывали и здесь, – взглянул Иванов на Батракова. – В таком случае, остается только одно, возвращаться.

– Да, – ответил контрразведчик, глядя, как на палубу поднимают тела. Скрюченные и неподвижные.

Погибших похоронили в море и снова погрузились. Счетчик лага* исправно отсчитывал мили.

В начале февраля, просемафорив на береговой пост СНИС* свои позывные, обледеневшая, в пятнах сурика и ржавчины, «К-25» отшвартовалась в Минной гавани Кронштадта.

Потом была встреча с командующим флотом, а спустя сутки из Москвы прилетело высшее начальство.

– Вы не выполнили приказ, – выслушав доклады Иванова и Батракова, нервно заходил по кабинету Абакумов.

– Не согласен, – нахмурился нарком. – Они сделали все возможное.

– Напишите подробные рапорта, – обвел тяжелым взглядом офицеров, генерал-полковник. – Пока можете быть свободны.

Что докладывали вождю нарком и начальник ГУКР «СМЕРШ», история умалчивает, но спустя год Кузнецов был снят с должности и отдан под суд, а судьба Абакумова сложилась еще более трагично.

Сталин не прощал ошибок.

Глава 2. Успех адмирала Бэрда

«Окончится война, все как-то утрясется, устроится. И мы бросим все, что имеем, – все золото, всю материальную мощь на оболванивание и одурачивание людей.

Человеческий мозг, сознание людей, способны к изменению. Посеяв там хаос, мы незаметно подменим их ценности на фальшивые и заставим их в эти фальшивые ценности верить. Как? Мы найдем своих единомышленников, своих союзников, в самой России.

Эпизод за эпизодом будет разыгрываться грандиозная по своему масштабу трагедия гибели самого непокорного на земле народа, необратимого окончательного угасания его самосознания.

Из литературы и искусства, например мы, постепенно вытравим их социальную сущность, отучим художников, отобьем у них охоту заниматься изображением, исследованием тех процессов, которые происходят в глубинах народных масс.

Литература, театры, кино – все, будет изображать и прославлять самые низменные человеческие чувства. Мы будем всячески поддерживать так называемых художников, которые ста-

нут насаждать и вдалбливать в человеческое сознание культ секса, насилия, садизма, предательства – словом, всякой безнравственности.

В управлении государством мы создадим хаос и неразбериху. Мы будем незаметно, но активно и постоянно способствовать самодурству чиновников, взяточников, беспринципности. Бюрократизм и волокита будут возводиться в добродетель. Честность и порядочность будут осмеиваться и станут никому не нужны, превратятся в пережиток прошлого. Хамство и наглость, ложь и обман, пьянство и наркомания, животный страх друг перед другом и беззащитность, предательство, национализм и вражду народов, прежде всего вражду и ненависть к русскому народу – все это мы будем ловко и незаметно культивировать, все это расцветет махровым цветом.

И лишь немногие, очень немногие будут догадываться или даже понимать, что происходит.

Но таких людей мы поставим в беспомощное положение, превратим в посмешище, найдем способ их оболгать и объявить отбросами общества. Будем вырывать духовные корни, опошлять и уничтожать основы народной нравственности. Мы будем расшатывать таким образом, поколение за поколением. Будем братья за людей с детских, юношеских лет, главную ставку всегда будем делать на молодежь, станем разлагать, развращать, растлевать ее. Мы сделаем из них циников, пошляков, космополитов. Вот так мы это сделаем».

– Отличный план, – закончив читать, довольно изрек представительного вида сухощавый человек в дорогом костюме и очках, после чего отложил бумагу в сторону и задумался.

Человека звали Гарри Трумэн, он был 33 президентом Соединенных Штатов Америки и ярким антисоветчиком, а бумага являлась стенограммой выступления руководителя спецслужб США в Европе Аллена Даллеса, на закрытом совещании Конгресса.

Соединенные Штаты закончили вторую мировую войну, являясь бесспорным лидером капиталистического мира. Еще до ее начала они располагали огромнейшей экономической мощью и являлись самым богатым государством. Однако именно эта война способствовала усилению могущества США, привела к их господству в новом мире.

За годы войны национальный доход США удвоился, почти втрое возросло промышленное производство. В стране был создан хорошо отлаженный производственный механизм, опирающийся на емкий внутренний и международный рынки.

Поставки сырья, продовольствия и военного снаряжения союзникам, финансируемые государством, стимулировали обновление основного капитала. Сумма военных подрядов составила 175 миллиардов долларов, а чистая прибыль американских монополий – 70 миллиардов. Усилился процесс концентрации производства: количество крупных предприятий с числом рабочих свыше 10 тысяч увеличилось в 7 раз.

Война ускорила процесс интенсификации сельского хозяйства: механизация и химизация производства стимулировались огромным спросом на американское продовольствие, что позволило фермерам резко увеличить свои доходы.

Боевые действия, а, следовательно, и разрушения не коснулись территории Штатов, и ресурсы страны с населением почти в 150 миллионов человек в несколько раз превосходили ресурсы других капиталистических государств.

В результате, после войны Америка давала 60 % промышленной продукции капиталистического мира. На ее долю приходилось 50 % мировой добычи угля, 64 % – нефти, 53 % – выплавки стали, 17 % – производства зерна, 63 % – кукурузы. Соединенные Штаты сосредоточили в своих руках две трети золотого запаса и одну треть экспорта капиталистического мира.

Экономическое превосходство США базировалось на их финансовой мощи.

На Бреттонвудской конференции 1944 года, учредившей систему золотого валютного стандарта, за долларом была закреплена роль мировой конвертируемой валюты, его золотое

содержание определилось в 35 долларов за 1 унцию золота. Доллар стал расчетной и резервной денежной единицей, наравне с золотом он являлся гарантом стоимости банкнот. Одновременно были созданы Международный валютный фонд и Международный банк реконструкции и развития, которые в значительной степени зависели от США, предоставивших им первоначальный капитал.

Все это кружило голову, и «Железный Гарри», так звали Трумэна в СССР, желал занять достойное место в истории.

Его мечты нарушил мелодичный зуммер кабинетной связи, и президент нажал нужную кнопку.

– К вам генерал Брэдли господин президент – донесся голос дежурного офицера, и Трумэн кивнул головой, – просите.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.